

И.А. Ковалёв

РОМАНОВЫ НА ФРОНТАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Военно-историческая библиотека (Вече)

Илья Ковалев

**Романовы на фронтах
Первой мировой**

«ВЕЧЕ»

2016

Ковалев И. А.

Романовы на фронтах Первой мировой / И. А. Ковалев —
«ВЕЧЕ», 2016 — (Военно-историческая библиотека (Вече))

ISBN 978-5-4444-8776-1

Участие в Первой мировой войне ближайших родственников последнего российского императора долгие годы замалчивалось в отечественной истории. Предлагаемая читателям книга рассказывает об обстоятельствах службы князей Романовых на различных фронтах войны. Автор, используя архивные документы, описывает их подвиги, ранения и случаи гибели.

ISBN 978-5-4444-8776-1

© Ковалев И. А., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Часть 1. На фронте в Восточной Пруссии	8
Дмитрий Павлович (1891–1942)	9
Письма	20
Константиновичи	30
Иоанн Константинович (1886–1918)	31
Гавриил Константинович	36
Олег Константинович (1892–1914)	44
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Илья Ковалев
Романовы на фронтах Первой мировой

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Цель нашего исследования – осветить одну из забытых сторон войны – участие в ней ближайших родственников Императора, князей Романовых. Российская историография до сих пор не уделяла внимания этой теме. Сразу после революции новой властью были приняты меры, предназначенные для дискредитации семейства Романовых. В том числе были выборочно опубликованы дневники Николая II, Александры Федоровны, великого князя Андрея Владимировича, переписка между некоторыми членами Императорской фамилии и т. д. Разумеется, эти издания были политически ангажированы и сопровождались «разъяснительными комментариями». В дальнейшем тема участия в войне членов правящего дома России в советской историографии не поднималась. На современном этапе развития науки вновь стало возможным обратиться к этому вопросу. Однако пока изыскания историков ограничиваются статьёй калининградского краеведа К. Пахалюка «Романовы на фронте в Восточной Пруссии». Знакомство с этой статьёй стало отправной точкой создания этой книги. Помимо исследований стоит отметить ряд публикаций источников, осуществлённых историками в последние годы. Ссылками на них читатель может ознакомиться в Приложении.

Книга основана на документальном материале – воспоминания, письма, донесения, что позволяет читателю проникнуть в атмосферу описываемой эпохи.

Представленная вниманию читателей работа лишь первый шаг в изучении темы – попытка собрать воедино разрозненную информацию и обозначить направления исследования. Это приглашение к разговору о людях и событиях, произошедших сто лет назад. Надеемся, что книга будет интересна любителям истории и привлечёт внимание к истории Первой мировой войны.

Автор выражает искреннюю благодарность людям, оказавшим неоценимую помощь в работе: своим родителям, С. Хребтищеву, А. Хребтищевой, Е. Хребтищеву, К. Окорокову, С. Гуанумену, Г. Шпаку, М. Лямся, Г. Рыковой, Д. Посулько, В. Серопьяну, А. Соловьёвой, Д. Вишневецкой, В. Кошелевой и W. Baetson. Отдельную благодарность автор выражает своему научному руководителю д.и.н. профессору В.Н. Ратушняку.

Введение

В 1613 г. на российский престол вступил Михаил Фёдорович – первый монарх из династии Романовых. В 1913 г. страна на официальном уровне праздновала 300-летие своей династии. На протяжении трёх веков Россия прошла через множество войн – русский солдат дрался со шведами, турками, персами, кавказцами, наполеоновской «армией двенадцати языков», в которую вошли представители многих народов Европы, японцами, англичанами и т. д. Однако самое тяжёлое испытание было впереди.

Монархи из династии Романовых уделяли большое внимание развитию вооружённых сил страны и нередко сами возглавляли армии. Так командовал войсками Пётр I при Полтаве, Александр I при Аустерлице и т. д. Будучи наследником престола, Александр III командовал Рушукским отрядом во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Великие князья (родственники монарха, не занимающие престол) тоже часто занимали командные должности, например Николай Николаевич Старший был главнокомандующим действующей армией на Балканах во время войны с 1877–1878 гг.

Император всегда являлся главнокомандующим русской армией, однако постепенно это звание становилось формальным – монарх поручал управление армией одному из старших офицеров армии. Каждый наследник престола получал блестящее военное образование и вполне мог командовать войсками. Однако развитие искусства войны, усложнение военной техники и тактики требовало чёткого функционирования транспортной системы и снабжения – одним словом, упорядоченного тыла. Поэтому император концентрировал своё внимание на гражданском управлении, делегируя полномочия главнокомандующего наиболее подходящему офицеру. Именно так обстояло дело во время военных конфликтов XIX в. Только в 1915 г. император Николай II отправился в действующую армию как Главнокомандующий. Этот шаг оценивается неоднозначно. Но если отказаться от предвзятости, то мы увидим два последствия: с одной стороны, отступление армии было остановлено, с другой – неразбериха в тылу спровоцировала революцию. Деятельность последнего императора на высшем военном посту в годы Первой мировой войны слабо освещена и требует отдельного исследования. В этой книге мы рассмотрим участие в войне ближайших родственников царя.

Помимо царя, его жены, детей, матери, брата и сестёр Дом Романовых включал большое количество князей и княжон – потомков императоров Николая I и Александра II. Предвидя быстрое разрастание императорской фамилии и желая избежать экономических трудностей (великие князья получали содержание из удельных земель), равно как и трудностей, связанных с поддержанием престижа (было бы тяжело обеспечить должное исполнение членами рода многочисленных норм и правил), Александр III издал указ, разграничивающий статус потомков русских императоров. Согласно этому указу титул Великого князя или княжны могли носить только дети и внуки царствовавшего императора. Потомки в 4-м поколении получали титул князя крови императорской. К 1916 г. династия насчитывала 30 членов мужского пола.

По сложившейся традиции каждый мужчина из рода Романовых получал военное образование и делал карьеру в одном из родов войск. Однако некоторые князья тяготились воинской службой и отчислялись из действующих частей в Императорскую Свиту. Несмотря на военное образование, некоторые из них посвящали свою жизнь невоенным занятиям. Так, например, великий князь Николай Михайлович был историком и энтомологом, Пётр Михайлович – архитектором, Георгий Михайлович – нумизматом. Ко дню объявления войны князья имели самые разные воинские звания: от корнетов до генералов. Такой разброс объясняется, в первую очередь, разницей в возрасте князей: в 1914 г. были живы 3 поколения Романовых: дяди царя, его двоюродные братья и племянники. 1 августа 1914 г. Германская Империя объявила войну Российской Империи. Началась Первая мировая война.

Часть 1. На фронте в Восточной Пруссии

Германский план Шлиффена предусматривал молниеносный разгром Франции с последующей переброской всех сил на Восток – против России. Немцы рассчитывали на то, что слабая инфраструктура не позволит русской армии провести мобилизацию быстрее чем за месяц. Однако мобилизацию удалось провести намного быстрее. Русское командование решило нанести удар по Восточной Пруссии, чтобы заставить немцев оттянуть свои войска с Запада и предотвратить разгром Франции.

Дмитрий Павлович (1891–1942)

Дмитрий Павлович был вторым ребёнком великого князя Павла Александровича и внуком Александра II. Николаю II он приходился двоюродным братом. Его мать, великая княгиня Александра Георгиевна¹, умерла во время родов. Через некоторое время его отец вступил в брак с разведённой О.В. Пистолькорс (урождённой Карлович)², за что был лишён чина и выслан из России приказом императора. Дмитрия и его старшую сестру Марию отдали на воспитание в бездетную семью в. кн. Сергея Александровича³ и Елизаветы Фёдоровны⁴. В 1905 г. в разгар революционного террора Сергей Александрович, занимавший должность московского генерал-губернатора, был убит террористом Каляевым. Елизавета Фёдоровна после гибели супруга целиком посвятила себя духовно-религиозной деятельности. Интересной подробностью является то, что вместе с Сергеем Александровичем могли погибнуть и юные Дмитрий и Мария. В день, на который первоначально было запланировано покушение, они возвращались из церкви в одной карете. Б. Савинков должен был дать отмашку бомбометателям, но, увидев в карете детей, не сделал этого. Позже, в эмиграции он даже хотел через общего знакомого устроить встречу с Марией Павловной, однако муж великой княгини был категорически против этой встречи, и она не состоялась⁵. После успешного покушения на их опекуна брата и сестру на воспитание в свой дом взял сам император. Вскоре Мария Павловна была выдана замуж за шведского принца Вильгельма и надолго уехала из России.

Дмитрий Павлович всегда был любимцем царя и его семьи. В 1912 г. состоялась помолвка Дмитрия Павловича с дочерью императора великой княжной Ольгой Николаевной. Однако помолвка оказалась расстроеной из-за противодействия императрицы Александры Фёдоровны, вызванного антипатией Дмитрия Павловича к Григорию Распутину. Во время Первой мировой войны существовали планы брака между Ольгой Николаевной и румынским принцем, будущим королем Каролом II, однако великая княжна отвергла возможность такого брака. Некоторые исследователи считают, что отказ Ольги был мотивирован тем, что она была по-прежнему предана Дмитрию.

¹ Великая княгиня Александра Георгиевна (1870–1891). Дочь короля Греции Георга I и великой княгини Ольги Константиновны. Вступила в брак с великим князем Павлом Александровичем в 1889 г. В 1890 г. у них родился первенец – великая княгиня Мария Павловна, а в 1891 г. беременная Александра Георгиевна скончалась от последствий несчастного случая. Врачи успели спасти младенца – великого князя Дмитрия Павловича.

² Княгиня Ольга Валериановна Палей, графиня фон Гогенфельзен (урождённая Карнович, в первом браке фон Пистолькорс; 1865–1929). Вступила в связь с Павлом Александровичем и родила ему сына Владимира в 1897 г., что привело к разрыву с супругом. Николай II не дал согласия на морганатический брак великого князя Павла, однако это не помешало паре тайно обвенчаться за границей в 1902 г. Супруги остались жить за границей. В 1904 г. баварский принц-регент Луитпольд даровал Ольге Пистолькорс, её сыну Владимиру и новорождённой дочери Ирине (1903–1990) титул графов фон Гогенфельзен. В 1908 г. Николай II разрешил всей семье вернуться в Россию, а в 1915 г. пожаловал графине Гогенфельзен и уже трём её детям от великого князя (к этому времени родилась ещё и дочь Наталья) княжеский титул под фамилией Палей. В годы Первой мировой войны Ольга Валериановна активно занималась благотворительностью и была Председательницей Совета Всероссийского общества помощи военнопленным. Эмигрировала.

³ Великий князь Сергей (Сергий) Александрович (1857–1905) – пятый сын Александра II; Московский генерал-губернатор. Военный и политический деятель. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Учредитель Императорского Православного Палестинского общества. Покровитель многочисленных благотворительных учреждений. Погиб от бомбы террориста Каляева.

⁴ Елизавета Фёдоровна (при рождении Елизавета-Александра-Луиза-Алиса Гессен-Дармштадтская, в семье её звали Элла, официально в России – Елисавета Феодоровна; 1864–1918) супруга великого князя Сергея Александровича. Старшая сестра императрицы Александры Фёдоровны – супруги Николая II. После гибели мужа основала Марфо-Мариинскую обитель Милосердия, занималась благотворительностью, вела подвижническую жизнь. Убита большевиками в Алапаевске. Канонизирована Православной Церковью.

⁵ Воспоминания. Издатель Захаров. Москва; 2004. В своих воспоминаниях великая княгиня приводит именно такую версию первого неудачного покушения. Сам Савинков в воспоминаниях указывает на то, что, увидев в карете князя детей, не решился бросить бомбу сам Каляев (см.: *Савинков Б.* Воспоминания террориста).

Дмитрий Павлович получил домашнее образование и поступил в престижную Офицерскую кавалерийскую школу. После выпуска в 1911 г. он был зачислен в ряды лейб-гвардии Конного полка. Однако рутинная служба не увлекала молодого князя, и он много времени проводил в путешествиях по Европе и развлечениях. Службе препятствовало и слабое здоровье – как и многие члены Дома Романовых, он страдал от болезней лёгких.

В 1912 г. Дмитрий Павлович отправился на 5-е Олимпийские игры во главе русской команды по конному спорту. Русские спортсмены никаких наград не завоевали, подготовка к играм была ещё полулюбительской, и Россию представляли в основном офицеры-кавалеристы, а не профессиональные спортсмены. Игры проходили в столице Швеции Стокгольме, и Дмитрий Павлович смог встретиться со своей сестрой Марией, жившей там. В течение всей жизни брат и сестра оставались очень близки, а многочисленные злоключения только спланивали их ⁶.

В 1913 г. Дмитрий Павлович открыл 1-ю русскую Олимпиаду в Киеве, будучи её председателем. Князь Гавриил Константинович, приглашённый на открытие, так описывал его и поведение великого князя Дмитрия:

«Я поехал с Дмитрием на открытие первой Русской Олимпиады. Оно было очень торжественно и началось с молебствия в присутствии генерала Иванова и киевских властей. После молебна спортивные организации, киевские кадеты и гимназисты проходили перед Дмитрием церемониальным маршем. Предварительно мы с Дмитрием обошли их фронт, и Дмитрий с ними здоровался. Меня очень интересовало, как Дмитрий будет благодарить за прохождение киевских гимназисток. Он вышел из этого трудного положения, сказав им: «Хорошо ходите!»

Дмитрий громко, во всеуслышание объявил об открытии первой Русской Олимпиады. Дмитрию было тогда двадцать два года, но он держал себя как старый и опытный великий князь. Он совсем не стеснялся и чувствовал себя как рыба в воде...

Дмитрий был очень способным человеком и председательствовать на Олимпиаде ему было совсем не трудно. Он свободно разговаривал с посторонними людьми, которых ему представляли»⁷.

10 июля 1914 перед самым началом войны великий князь принял участие в императорском смотре на Военном поле в Красном Селе. Тогда многие ещё не верили в возможность войны, и Дмитрий Павлович собирался отправиться в Киев открывать 2-ю Российскую Олимпиаду, однако объявление мобилизации разрушило эти планы⁸.

Великая княгиня Мария Павловна вернулась в Россию после расторжения своего брака. Она вспоминает о том, как брат собирался на войну:

«Неизбежность войны стала очевидной. Я страшилась этого, прежде всего опасаясь за Дмитрия. Как только вышел приказ о подготовке мобилизации, я переехала в Петербург, чтобы быть рядом с ним. Мне было невыносимо тяжело видеть его занятым военными приготовлениями, я с почти материнской нежностью смотрела на его мальчишечью фигуру, юное лицо.

Несмотря на энтузиазм, который он разделял вместе со всеми, к тому, что ожидало, он относился крайне ответственно. В его поведении не было никакой бравады. Надо признаться, я еще никогда не видела его столь серьезным. Эти тревожные дни мы проводили вместе, утешая и поддерживая друг друга, наша дружба вновь стала сердечной, как в детские годы. Наши беседы то были исполнены печали, то склонялись к шуткам»⁹.

Как и все члены династии, находившиеся в столице, великий князь принял участие в торжественном молебне в Зимнем дворце по случаю объявления войны.

⁶ Лобаикова Т.А. Дом Романовых: биобиблиографический иллюстрированный указатель. – М.: Издательство «Река Времени», 2008. – С. 515.

⁷ Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном Дворце: Воспоминания. – 2-е изд. – М.: Захаров, 2005. – С. 178–183.

⁸ Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном Дворце: Воспоминания. – 2-е изд. – М.: Захаров, 2005. – С. 213.

⁹ Воспоминания. Издатель Захаров. Лицензия ЛР № 065779 от 1 апреля 1998 г; Москва; 2004.

Через несколько дней князь вместе с полком отправился на фронт. Уже 25 июля конная гвардия прибыла на станцию Пильвишки, недалеко от г. Владиславова. Прибыв на фронт, полк начал действовать в составе 1-й гвардейской кавалерийской дивизии под командованием генерала Казнакова, которая, в свою очередь, входила в состав 1-й армии генерала П.К. фон Ренненкампа. 1-я и 2-я гвардейские кавалерийские дивизии вместе с 1-й Отдельной кавалерийской бригадой входили в состав конной группы генерала Хана Нахичеванского и составляли правый фланг 1-й армии¹⁰.

3 августа конная группа перешла государственную границу с целью обхода северного фланга германской 8-й армии. Соединение должно было пройти к переправам через реку Инстер, форсировать её и двигаться далее в направлении на г. Истенбург. Однако выполнить этот приказ сразу оказалось невозможным – началось наступление немецкой усиленной 1-й пехотной дивизии на г. Эдкунен, и русская конница увязла в затяжном бою. Опоздание с переходом границы в первый день наступления, медленное продвижение с боем 3–4 августа и слишком растянутый маршрут привели к тому, что конница продвинулась лишь наравне с пехотой и обхват частей противника не удался. Причём наступающие в авангарде русские частями оторвались от 1-й отдельной кав. бриг. и 54-й пех. див., которые должны были обеспечивать охрану правого фланга наступления. 4 августа генерал Хан Нахичеванский получил сведения о том, что в г. Пилькаллен находится вражеская 2-я конная дивизия, и приказал атаковать город. При этом конногвардейцы попали под артиллерийский обстрел. Вспоминает офицер кирасирского полка Г. Гоштовт:

«В это время к нам подъехал вольноопределяющийся 3-го эскадрона Мельников, посланный с донесением к командиру полка. Во время разговора с ним, неожиданно бухнуло два артиллерийских выстрела; близко из кустов по другую сторону дороги, показались два огонька, и затем немедленно над нами разорвались две шрапнели; будто горох посыпались кругом пули.

Моя нервная кобыла чуть не опрокинулась от неожиданности. Мы съехали с холма. У Мельникова и Кобзаря были ранены лошади; самих их также легко царапнуло. Карапекину пуля порвала крыло седла. Немцы беглым огнём покрыли холм, где мы только что стояли, предполагая, видимо, на нём наблюдательный пункт.

Я немедленно послал Дервеля с устным донесением о местоположении, до дерзости близко подъехавшего, неприятельского артиллерийского взвода.

Конногвардейцы и пристраивающиеся к ним кавалергарды в рассыпном конном строю пошли в его направлении. Немецкая артиллерия перенесла на них свой огонь. Вынесшийся впереди эскадрона Е.В. Конной Гвардии, великий князь Дмитрий Павлович окутался весь облаком разорвавшейся шрапнели. Его лошадь повалилась на землю. Великий князь вскочил на ноги; – к счастью осколки и пули шрапнели его не задели. Цепи нашего полка также перешли наступление.

Немцы быстро начали отступать. Посланные за ними разъезды сообщили об их спешном отходе по направлению к городу Пилькаллен»¹¹.

Пилькаллен был взят. 5 августа конный отряд столкнулся с немецкой самокатной ротой 2-й пех. див. 6 августа части получили приказание двигаться к переправе через р. Инстер по направлению на г. Истенбург, однако выполнить этот приказ сразу оказалось невозможно. Противник занял оборону в районе г. Краупишкен, прикрывая подступы к переправе. Именно здесь начался упорный 6-часовой бой, вошедший в историографию как Каушенское сражение.

Каушенское сражение стало наверное самым известным боем русской гвардейской кавалерии в течение Первой мировой войны. Позже, в эмиграции, многие участники боя написали

¹⁰ Пахалюк К. Романовы в сражениях в Восточной Пруссии в 1914 г. // Рейтар. – 2009. – № 3. – С. 180–191.

¹¹ Гоштовт Г. Дневник Кавалерийского офицера. – Париж, 1936.

свои воспоминания, в которых зачастую старались не только выразить личные впечатления, но и проанализировать действия русской стороны. Рассмотрим сперва ход боя.

Силы русского конного отряда были эквивалентны четырём германским батальонам, им противостояло 5 немецких батальонов, в составе второй Сводной Ландверной бригады. Однако стоит заметить, что если с русской стороны сражался цвет армии – гвардейские кавалерийские полки (Кавалергардский, Конный, Кирасирский, Гусарский), то ландвер германской армии был «войсками второго сорта»¹². Сторожевые охранения противника расположились на левом берегу реки Инстер, на участке между Каушен-Наунингкен; одновременно разведчиками было выявлено движение пехотных колонн противника к деревне Краупишкен. Вскоре немцы начали окапываться на восточном берегу реки и разворачивать артиллерию.

Хан Нахичеванский приказал эскадронам спешиться и наступать цепью. Это решение командующего конным отрядом оказалось весьма спорным. Кавалерийские части были плохо подготовлены к ведению длительного боя в пешем строю, эскадроны были ослаблены, так как потребовалось выделить коноводов, следивших за лошадьми. Однако главным упреком генералу является то, что, спешив кавалеристов, он лишил свои части манёвренного превосходства и повёл их «в лоб» на окопавшихся немцев, что вызвало, по мнению, некоторых военных историков, необоснованно завышенные потери. Сам генерал подвергся критике П.К. фон Ренненкампа за свою пассивность в течение боя.

В 12 часов дня лейб-гвардии Конно-гренадёрский полк, не доходя до Краупишкена, на берегу р. Эйменис наткнулись на противника. В ответ на огонь конногвардейцев немцы пошли в атаку и начали артиллерийский обстрел. В бой включился авангард 2-й гвард. кав. дивизии, и немцы заняли оборонительные позиции возле дер. Каушен. Русские же части расположились у дер. Опелишкен. Вскоре туда подтянулись и основные силы русских войск. Завязалась артиллерийская дуэль, в ходе которой батарея под командованием полковника А.Е. Арсеньева заставила замолчать немецких артиллеристов.

В 13 ч. 30 мин. части Сводной Кавалерийской дивизии попытались охватить неприятеля с правого фланга, однако безуспешно, и вскоре эти подразделения тоже спешились. В это время на центральном участке боя в атаку пошли части кавалергардов. Наступая в пешем строю, они несли огромные потери от огня окопавшихся немецких пехотинцев и их артиллерии, которая снова открыла огонь. Однако на этот раз батарея полковника кн. Эристова принудила их к молчанию.

Ещё одна попытка опрокинуть немецкие части лобовым ударом была предпринята ген. Долгоруковым, который лично повёл русские войска в атаку. Немецкий огонь оказался столь убийственным, что эта атака, как и предыдущие, не увенчалась успехом. Более того, немцы перешли в контрнаступление, пытаясь охватить левый фланг русских частей. Командующий германскими частями полковник фон Люпин получил сведения (оказавшиеся ложными), что ему на выручку идёт 1-я кавалерийская дивизия, и задействовал все свои резервы, однако контрнаступление было отражено выдвижением лейб-гусар.

Около 15 часов генерал П.П. Скоропадский послал на выручку кавалергардам Конный полк, в рядах которого находился великий князь Дмитрий Павлович, и обеспечил его поддержкой 4-й батареи.

Наконец инициатива была перехвачена русскими войсками. Перелом в сражении вызвала конная атака эскадрона ротмистра П.Н. Врангеля на немецкую батарею у д. Каушен. Несмотря на большие потери, Врангелю удалось смять немцев и захватить два орудия, что дало русским войскам возможность наступать почти беспрепятственно. Фон Люпин отдал приказ отходить.

¹² Солдат служил 2 года в армии, 7 лет находился в резерве, а уже потом на протяжении 11 лет числился в ландвере и 7 в ландштурме.

Князь Дмитрий Павлович во время Каушенского боя исполнял обязанности ординарца: передавал донесения командующего Хана Нахичеванского младшим командирам и доставлял в штаб ориентировки с поля боя. По воспоминаниям Г. Гоштовта, это была опасная задача, так как вестовой был желаемой целью для немецких стрелков и князь находился под обстрелом.

Победа досталась дорогой ценой – 81 человек убитыми, 293 ранеными, 22 пропавшими без вести и огромный расход боеприпасов. Германцы лишились 66 человек убитыми, 122 ранеными и 30 пленными, а также 2 орудий и 4 зарядных ящиков¹³.

Современный историк К. Пахалюк так оценивает результаты сражения:

«Позднее генерал П.К. фон Ренненкампф дал отрицательную оценку действиям кавалерии, в особенности генерала Бельгарда, которому вменялось то, что он не задействовал всю артиллерию. Сам Хан Нахичеванский в ход боя практически не вмешивался, если не считать приказы по корпусу на этот день, запрет на выдвижение из резерва кирасирской бригады, а также приказ об отступлении. Не лучшим образом показали себя и другие командиры, которые не смогли использовать маневренное преимущество. На руку нам сыграло общее превосходство в артиллерии. Да и противостояли гвардейцам лишь ландверные части, т. е. состоящие из запасников и достаточно сильно уступающие по выучке элитным кавалерийским частям. Недостаток профессионализма пришлось восполнять героизмом. Не забудем, что это вообще первый крупный бой и с психологической точки зрения он был самым тяжелым для необстрелянных солдат и офицеров. Стоит добавить, что в Первую мировую войну крупные конные соединения во всех армиях не оправдали возложенных на них надежд. Более того, конные атаки на окопавшуюся пехоту были малоэффективны практически на всех фронтах, и здесь кавалерия Нахичеванского не стала исключением»¹⁴.

Вскоре в г. Гумбиннен прибыла со своим лазаретом великая княгиня Мария Павловна. Так она описывает встречу с братом, первую, после ухода князя на войну:

«Дмитрий и Иоанн, муж Елены, каким-то образом узнав о нашем прибытии в Гумбиннен, приехали на автомобиле и застали нас за осмотром домов. Я не надеялась так скоро увидеть Дмитрия и была безмерно рада. Однако нельзя было не заметить, что он не вполне разделял мои чувства. Ему довелось пережить многое, он выглядел печальным и усталым и не одобрял мое присутствие так близко от места боев»¹⁵.

В это время Дмитрий Павлович уже исполнял обязанности офицера связи в штабе генерала П.К. фон Ренненкампфа, расположенном в г. Истенбурге. Туда же был переведён и госпиталь великой княгини. Именно там через месяц после Каушенского сражения Дмитрий Павлович был награждён Орденом Св. Георгия 4-й степени. Мария Павловна так описала этот эпизод в своих мемуарах:

«Особенно памятен мне тот день, когда в госпитале неожиданно появился генерал Ренненкампф в сопровождении Дмитрия и штабных офицеров. Это случилось во время ужина. Бакенбарды у командующего были расчесаны, талия туго перетянута поясом. Весь персонал в спешке поднялся из-за стола по причине внезапного визита.

Генерал явно нервничал. Взяв маленькую коробочку из рук одного из офицеров, он повернулся к Дмитрию и с кратким поздравлением наградил моего брата Георгиевским крестом, приколов его ему на грудь больничной булавкой. Этот орден брат получил за Каушенское

¹³ Описание Каушенского боя и действий Конного полка дано по: *Гоштовт Г.* Дневник Кавалерийского офицера. – Париж, 1936. *Звегинцев В.Н.* Кавалергарды в великую и гражданскую войну. 1914–1920 год. – Париж: Издательство Е. Сияльской, 1936. *Пахалюк К.* Гвардия не сдаётся (Каушенский бой 19 августа 1914 г.). Интернет-публикация: <http://hero1914.com/kaushenskij-boj-196-avgusta-1914-goda/>

¹⁴ *Пахалюк К.* Гвардия не сдаётся (Каушенский бой 19 августа 1914 г.). URL: <http://hero1914.com/kaushenskij-boj-196-avgusta-1914-goda/>

¹⁵ Воспоминания. Издатель Захаров.

сражение. Генерал считал, что мне будет приятно присутствовать при награждении, и он был прав. Я была счастлива и несказанно горда.

Только тогда я узнала, что мой брат помимо участия в кавалерийской атаке, когда была захвачена целая батарея, спас жизнь раненому младшему офицеру. Он соскочил с коня, вынес раненого с поля боя, а потом снова присоединился к своему эскадрону»¹⁶.

Однако сведения о том, что Дмитрий Павлович во время боя спас другого конногвардейца, вызывают некоторые сомнения. Ни в одном источнике, кроме вышеупомянутого, не сообщается ни о чём подобном. В воспоминаниях участников боя имя великого князя упоминается, но только как офицера связи, доставлявшего сведения с передовой командиру. И, наконец, Высочайший приказ о награждении от 13 октября 1914 гласил:

«Состоя в бою 6-го августа под Краупишкенем ординарцем у начальника конного отряда, в самый разгар боя, с явной опасностью для жизни, доставил верные сведения о неприятеле, вследствие чего были приняты меры, увенчавшиеся полным успехом»¹⁷.

Возможно великая княгиня была неверно информирована кем-то, кто приукрасил подвиг её брата, чтобы сделать ей приятное. С другой стороны, вполне возможно, что этот эпизод действительно имел место.

То, что великий князь был специально награждён в присутствии сестры, а также его перевод в штаб П.К. фон Ренненкампа, некоторые исследователи объясняют желанием генерала создать себе своеобразное «великокняжеское лобби» при дворе. Оно вскоре могло пригодиться – после катастрофы армии генерала Самсонова началось расследование деятельности и Ренненкампа. Великий князь Андрей Владимирович в своём дневнике резюмировал выдвигавшиеся против генерала обвинения и роль Дмитрия Павловича в этом деле, исходя из слов князя Енгальцева:

«Назначили Пантелеева расследовать Самсоновское дело и в связи с этим – и Ренненкампа. Ну что он понимает в военном деле? Ровно ничего. Откомандовал Семеновским полком, а потом командовал корпусом жандармов. Ну, и в результате, несмотря на массу улик против Ренненкампа, он в докладе все улики смазал. А между тем многие командиры батарей показали, что они получали приказание в Восточной Пруссии во время боев по таким-то участкам не стрелять, и при расследовании оказывалось, что эти участки принадлежали родственникам Ренненкампа. У управляющих некоторыми имениями были найдены за подписью Ренненкампа охранные листы, чтоб наши войска не трогали бы ничего. И эти поместья также принадлежали Ренненкампу. Кроме того, из Германии были получены сведения, что немцы очень интересовались его денежными делами. Все это невольно уже характеризует Ренненкампа, и у военного министра Сухомлинова уже собран целый том с обвинительными документами.

Теперь разобрать это дело поручено генерал-адъютанту Баранову. Это человек глубоко порядочный и, конечно, доведет дело до конца. Но долгое время Государь верить не хотел. Я ему неоднократно говорил, но он все как-то уклонялся и сомневался в правде. В этом много виноват кн. Орлов, который был в переписке с кн. Белосельским, а последний состоял при Ренненкампе и не командовал своей бригадой, которая входила в состав той же армии. Белосельский сильно поддерживал Ренненкампа... и Андрюша Шувалов. Я ему однажды говорил: «Что Вы делаете, Россию губите, защищая такого генерала». На это Шувалов мне ответил, что Ренненкампф ему однажды в жизни помог, и он считает своим долгом и его теперь выручать. Я ему сказал, что это не причина и интересы государства должны быть выше личных чувств.

¹⁶ Воспоминания. Издатель Захаров.

¹⁷ Отечественная война 1914 года Ч.2. Героические подвиги русских воинов в Отечественную войну 1914 года. – М., 1915.

Орлов тоже не прав. Он пользовался, кроме того, частными агентами, с которыми сносился жандармским шифром, и, конечно, сведения, добытые таким путем, не могут быть всегда очень чисты.

А надо быть очень осторожным с Государем. Так легко в его глазах очернить кого бы то ни было, и даже ежели он и не поверит, то все же остается немного. И ежели нет точных данных, о ком бы то ни было лучше не говорить как плохое, так и хорошее. Но ежели есть точные сведения, то надо говорить всю правду. Это долг каждого перед своим Государем.

Ну вот, как я говорил, Государь долго не верил мне, а я его довольно часто видел, когда был начальником штаба в 6-й армии в Петрограде. Государь очень интересовался делами войны, и никто его не держал в курсе дела. Я ездил к нему рано утром, никто не знал об этом.

Однажды я нашел большую перемену в Государе. Он мне сам стал говорить про Ренненкампа, обвиняя его. Оказывается, у него был до этого в. кн. Дмитрий Павлович и имел четырехчасовой доклад у него. Дмитрий Павлович хорошо знал детали всего этого дела, и его доклад сильно повлиял на Государя.

Я лично думаю, что Ренненкампаф один виноват во всем этом деле. Жилинский гораздо меньше, хотя верховный главнокомандующий мне сказал, что, не зная я Жилинского на прежней службе, – я бы даже заподозрил его в высшей измене. Этот вопрос, конечно, трудно решить»¹⁸.

После отрешения генерала Ренненкампа от должности, Дмитрий Павлович был переведён в Ставку Верховного Главнокомандующего, чьи обязанности тогда исполнял великий князь Николай Николаевич. По служебным обязанностям князь часто ездил в Петроград с поручениями от Ставки. Дневник Николая II содержит записи о посещении его Дмитрием Павловичем в ходе этих поездок, например:

«1914-го сентября. Воскресенье.

До 10 час. ко мне приехал Алек и задержал, так что опоздали значительно к обеду. Завтракал Дмитрий Павлович, приехавший из армии с поручениями от Николаши. Так приятно было увидеть его и с Георгиевским крестом на груди. Полтора часа посидел с ним и поговорил о многом. Погулял с Аликом и детьми. После чая принял – капитана Лазарева Л.-Гв. Кексгольмского полка, кот. ездил в армию узнать о подробностях почти полной гибели полка. Вечером долго ждали приезда Григория. Долго потом посидели с ним»¹⁹.

Служба в Ставке для Дмитрия Павловича проходила спокойно, пока, после отступления 1915 г., император не решил принять обязанности Верховного Главнокомандующего. Протопресвитер армии и флота о. Г. Шавельский вспоминал:

«В Ставке в это время находился великий князь Дмитрий Павлович. Он был временно прикомандирован к Штабу. Прямой, честный и достаточно толковый, он считался любимцем Государя, имевшим большое влияние на последнего. Не знаю, каковы были раньше отношения Дмитрия Павловича к великому князю Николаю Николаевичу, но теперь они отличались большою задушевностью. Первый относился к последнему с большим уважением и почтительной предупредительностью; второй проявлял в отношении первого отеческую заботливость и трогательную привязанность. Увольнение Верховного потрясло великого князя Дмитрия Павловича больше, чем самого уволенного. Дмитрий Павлович бросился, было, к Николаю Николаевичу с просьбой немедленно отпустить его в Петроград, чтобы он мог настаивать перед Государем об отмене его решения.

Великий князь Николай Николаевич не разрешил ему поездку, считая затевавшееся им поступком, противным воинской дисциплине: великий князь Дмитрий Павлович офицер, а

¹⁸ Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова / Вступление, подготовка текста, публикация и примечания к.и.н. В.М. Хрусталева и В.М. Осина // «Октябрь» № 4, 1998. Запись от 16 января 1915 г.

¹⁹ Дневники императора Николая II. – М.: Орбита, 1991.

офицер не имеет права мешаться в подобные дела. Дмитрий Павлович решил, однако, добиться своего. Через несколько дней великий князь Николай Николаевич получил телеграмму от Императрицы Марии Феодоровны. Не объясняя причины, Императрица просила отпустить Дмитрия Павловича в Петербург на некоторое время. Верховный не мог отказать в просьбе. Напутствуемый благопожеланиями всей Ставки, великий князь Дмитрий Павлович отбыл в столицу. Перед его отъездом в его помещении (в гостинице) состоялось небольшое совещание, в котором кроме него, участвовали я, генерал Крупенский и Петрово-Соловово.

...

22 или 23 августа вернулся из Петрограда великий князь Дмитрий Павлович. При встрече со мной он сообщил мне, что был принят Государем и очень долго беседовал с ним, умоляя его отказаться от принятого решения. Государь сказал ему: «Будь спокоен! Я поступлю так, как подскажет мне моя совесть». В неопределенном ответе Государя Дмитрий Павлович усматривал некоторую возможность поворота дела в пользу великого князя Николая Николаевича.

...

Когда я снова встретился с великим князем Дмитрием Павловичем, он без всякого стеснения начал возмущаться поступком Государя, обещавшего ему обдумать Дело и поступить по совести.

– Я пойду к нему и выскажу всё, что накипело на Душе. Пусть делает со мной всё, что хочет. Пусть лишит меня мундира, сошлет в ссылку, но я это сделаю, – горячился Дмитрий Павлович.

Я старался успокоить его и удержать от такого шага»²⁰.

Великая княгиня Мария Павловна так описывала отношения между кузенами в то время:

«В то время император все еще относился к Дмитрию как к родному сыну; Дмитрий был всегда желанным гостем в Царском Селе, и император с удовольствием беседовал с ним. Однако на этот раз Дмитрию пришлось неоднократно звонить из Петрограда в Царское Село, прежде чем император согласился принять его. Раньше такого никогда не было. В конце концов император пригласил его на обед, а потом предложил сыграть в бильярд. Тогда Дмитрий, выбрав благоприятный момент, перешел к цели своего визита. Он прекрасно понимал, какую берет на себя ответственность, но чувствовал, что должен высказать монарху не только свое личное мнение, но и мнение большинства – как на фронте, так и в тылу. Он не задумывался о том, какие последствия может иметь эта откровенность для него лично.

Разговор был трудным для обоих. Император внимательно слушал доводы моего брата, не проявляя ни тени раздражения. Сначала он изредка отвечал, потом слушал молча.

По-видимому, он ясно представлял, какому риску подвергается, принимая на себя командование; но, получив подтверждение своих страхов, он, судя по всему, заколебался. К концу разговора Дмитрий был уверен, что добился своего: убедил императора, и теперь все будет хорошо. Государь не только не выразил недовольства, но и поблагодарил Дмитрия за преданность и откровенность. Прежде чем вернуться на половину императрицы, мужчины, тронутые разговором почти до слез, молча обнялись. Рассказывая потом об этом эпизоде, Дмитрий говорил, что они никогда прежде не были так близки. В тот вечер он вышел из Александровского дворца с чувством радостного и глубокого удовлетворения.

Два дня спустя император принял на себя командование армией; и Дмитрий, который все еще находился в Петрограде, узнал об этом из газет...

...Дмитрия вызвали в штаб и назначили адъютантом императора. Примерно в то же время в Москве проходил съезд земства и городских советов – организаций с множеством ответвлений. Съезд принял политическую резолюцию, в которой в достаточно деликатной

²⁰ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. – Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954. – С. 309–317.

форме говорилось о трудностях, которые испытывает Россия, и об отсутствии тесного контакта между правительством и народом. В ней подчеркивалась необходимость принятия срочных мер – прежде всего назначение кабинета министров, который будет пользоваться доверием народа, и новый созыв Думы.

Император написал резкую телеграмму, отказываясь принять делегацию с этой резолюцией. Он передал ее лично Дмитрию и приказал отправить. Дмитрий, зная содержание телеграммы, не отправил ее. Он понимал, что необоснованная вспышка императора вызовет слишком серьезные последствия.

На этот раз дерзость брата не прошла безнаказанно. Его вместе с адъютантом Дрентельном, с которым он советовался, на время перевели из главного штаба. Делегацию Земгора не приняли. С той поры развязалась более или менее открытая война между царем и здравомыслящей частью населения»²¹.

Изменение положения великого князя при дворе отметил и Г. Шавельский:

«Прежний любимец Государя великий князь Дмитрий Павлович после ухода великого князя Николая Николаевича отошел на второй план. Отношения между ним и Государем стали сухо формальными»²².

Неудовольствие императора сразу же отразилось и на отношении персонала Ставки к великому князю. М. Лемке писал в своём дневнике:

«Сегодня у нас завтракал вел. кн. Дмитрий Павлович... Он вошел, когда мы все уже сидели. Алексеев, как и все, встал, но не пошел навстречу, а лишь немного отделился от своего места. Дмитрий Павлович поздоровался кое с кем и, видя, что за ним не бегают, спросил: «А где мне сесть?» – «Вот здесь место, ваше высочество»... Ну, конечно, Алексееву не место в тонко воспитанной свите... Князь был очень любезен со священником Шавельским, приходя и уходя целовал его руку, и «мило», хотя и коротко, беседовал с ним. Он близок со светл. кн. Карлом Павловичем Ливеном, старшим лейтенантом военно-морского управления»²³.

Императрица Александра Фёдоровна заняла ещё более резкую позицию по отношению к молодому князю, что отразилось в её письмах к императору:

«...Мы говорили с ним²⁴ о Дмитрие – не повторяй ему этого, это его ужасно мучает, и он очень недоволен тем, что тот навсегда застрял в ставке, и находит, что он ни за что не должен оставаться там, так как это вредно для него, портит его, и он чувствует себя там очень важной персоной. Павел очень недоволен, что он теперь приехал, и огорчен тем, что ты не осадил его раньше, вместо того, чтобы позволять ему вмешиваться в дела, которых он совсем не понимает... Не думаешь ли ты отослать Дмитрия обратно в полк? Не позволяй ему слоняться без дела. Это для него прямо губительно. Он ни на что не будет годен, если характер его не исправится на войне. Он был на фронте всего лишь один или два месяца...»²⁵.

В Ставке служебные обязанности оставляли много свободного времени. Так, например, Белевская, жившая в Могилёве, в период пребывания там Ставки, вспоминала в своих мемуарах такую анекдотичную ситуацию: «Молодые князья в Могилеве не скучали. Местные дамы делали все от них зависящее, чтобы скрасить досуг высоких гостей и доставить им всяческие удовольствия. На этой почве было немало курьезов.

Об одном из таких мне рассказывал ошастливленный папаша, могилевский полицмейстер. Его разбитная молоденькая дочка пленила одного из молодых князей. Кроме величайшей гордости вся семья ничего не испытывала, но раз полицмейстер был поставлен в довольно

²¹ Воспоминания.

²² Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. – Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954. – С. 342.

²³ Лемке М. 250 дней в царской Ставке (25 сент. 1915–2 июля 1916). – Пг.: ГИЗ, 1920.

²⁴ С великим князем Павлом Александровичем.

²⁵ Платонов О.А. Николай II в секретной переписке. – М.: Родник, 1996. Письмо от 27 августа 1915 г.

глупое положение и не знал, как из него выйти. Рано утром, когда он еще спокойно почивал со своей супругой, он услышал в гостиной какие-то шорохи и стуки. Думая, что это воры, наскоро, в ночных туфлях, и в костюме камергера, но без мундира и орденов, с револьвером в руке он открыл дверь в гостиную и замер... В кресле сидел один из молодых великих князей и перелистывал его старые альбомы. Увидев у себя в гостиной в столь ранний час высокого посетителя, бедный полицмейстер не знал, встать ли ему во фронт или же, на правах строгого папаша, спросить вел. князя о причинах столь раннего визита. Он предпочел третий выход: закрыл дверь и не проявил излишнего любопытства»²⁶ (конечно, имя великого князя не названо, однако Дмитрий Павлович пользовался в обществе репутацией сердцееда, и можно с большой уверенностью утверждать, что именно он и был героем этой истории).

В июне 1915 г. великий князь сломал ногу, и некоторое время лечился в Царском Селе²⁷. Одно время предполагалось поручить Дмитрию командовать сотней в каком-нибудь казачьем полку, однако это назначение так и не было претворено в жизнь²⁸.

Зимой 1916 г. Дмитрий Павлович вместе с князем Феликсом Юсуповым и правым политиком Государственной Думы Пуришкевичем организовали убийство Г. Распутина, протеже императрицы Александры Фёдоровны, которого общественное мнение обвиняло в измене, дурном влиянии на императора и разврате. Как только об убийстве стало известно, Дмитрий Павлович был подвергнут домашнему аресту. Предполагалось, что он будет выслан на персидский фронт в отряд генерала Баратова. Другие члены дома Романовых, бывшие в это время в Петрограде, написали письмо императору с просьбой облегчить участь их родственника²⁹, однако Николай II остался непреклонен. Письмо вернулось с резолюцией:

«Никому не дано право заниматься убийством; знаю, что совесть многим не дает покоя, т. к. не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне»³⁰.

Великий князь отправился в Персию.

К началу Первой мировой войны Персия, формально остававшаяся независимым государством, была разделена на сферы влияния Россией и Великобританией. Важное стратегическое положение Персии, большие залежи местной нефти, близость русско-турецкого фронта и активизировавшаяся деятельность немецкой разведки и прогерманских элементов обусловили необходимость ввода в Персию войск Антанты. Уже в январе 1915 г. русские части, состоявшие из казаков и армянских добровольцев, выдвинулись к Тебризу, чтобы помешать наступлению германо-турецких войск, стремившихся прорваться к Азербайджану. Началось противостояние, продолжавшееся до самого конца войны³¹.

²⁶ Белевская М. СТАВКА Верховного Главнокомандующего в Могилеве 1915–1918 гг. ЛИЧНЫЕ Воспоминания. – Вильно, 1932. – С. 22–23.

²⁷ Платонов О.А. Николай II в секретной переписке. – М.: Родник, 1996.

²⁸ В частности, об этом упоминает великий князь Михаил Александрович в одном из писем к супруге.

²⁹ «Ваше Императорское Величество. Мы все, чьи подписи Вы прочтете в конце этого письма, горячо и усиленно просим Вас смягчить Ваше суровое решение относительно судьбы великого князя Дмитрия Павловича! Мы знаем, что он болен физически и глубоко потрясен, угнетен нравственно. Вы – бывший его опекун и верховный попечитель – знаете, какой горячей любовью было всегда полно его сердце к Вам, Государь, и к нашей Родине. Мы умоляем Ваше Императорское Величество, ввиду молодости и действительно слабого здоровья великого князя Дмитрия Павловича, разрешить ему пребывание в Усове или Ильинском. Вашему Императорскому Величеству должно быть известно, в каких тяжелых условиях находятся наши войска в Персии, ввиду отсутствия жилищ и эпидемий, и других бичей человечества. Пребывание там для великого князя Дмитрия Павловича будет равносильно его полной гибели, и в сердце Вашего Императорского Величества верно проснется жалость к юноше, которого Вы любили, который с детства имел счастье быть часто и много возле Вас и для которого Вы были добры как отец! Да внушит Господь Бог Вашему Императорскому Величеству переменить свое решение и положить гнев на милость! Вашего Императорского Величества горячо преданные и сердечно любящие: (Подписались:) Ольга (королева Эллина), Мария (вел. княгиня), Кирилл, Виктория, Борис, Андрей, Павел, Мария (великая княгиня Мария Павловна, младшая), Елизавета (великая княгиня Елизавета Мавриковна), Иоанн, Елена, Гавриил, Константин, Игорь, Николай Михайлович, Сергей Михайлович».

³⁰ Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова / Вступление, подготовка текста, публикация и примечания к.и.н. В.М. Хрусталева и В.М. Осина // «Октябрь» № 4, 1998.

³¹ Подробнее см. например Шишов А.В. Персидский фронт (1909–1918). Незаслуженно забытые победы. – М.: Вече,

О приезде и пребывании великого князя на персидском фронте оставил воспоминания А.Г. Емельянов:

«Автомобили подкатили как-то внезапно. Группа блестящих военных стояла у питательного пункта Земского союза. Я никогда не видел великого князя и наугад подошёл к высокому стройному молодому офицеру с погонами штабс-ротмистра и аксельбантами. Я угадал.

– А Вы давно в Персии? А откуда Вы? А работы много? – он засыпал меня вопросами.

– Из Москвы? Ведь я тоже москвич. Какая чудная Москва! Как я люблю её – ведь я прожил там моё детство!

Мы осмотрели приёмный покой с больными. Солдаты знали, что должен приехать двоюродный брат царя, а потому все прибрались и подтянулись. Осмотрели питательный пункт и кухню, пробовали борщ. Произвели переполох в ночлежке – огромном караван-сараяе. На нарах лежали и сидели проходящие солдаты; при крике «Смирно!» сорвались со своих мест и застыли с каменными лицами, глядя на блестящую группу посетивших их гостей.

Великий князь с интересом об условиях жизни и работы в Персии, о климате, о болезнях, о нашей организации. В Менджиле, как всегда, дул ветер, день был холодный, и потому все скоро замёрзли.

Пошли греться и завтракать.

Я приветствовал гостя и в ответ услышал хорошие слова о Земском союзе, который на всех фронтах необъятной русской армии разделяет с ней тяготы войны...

...Несомненно он был красив, великий князь. А глаза у него были голубые или голубовато-серые и печально улыбались. Он был взвинчен и нервничал. Спутники его были – генерал Лайминг, воспитатель и полковник граф Кутайсов.

Лайминга любил Дмитрий Павлович, а Кутайсова – нет.

Родные великого князя просили генерала Лайминга сопровождать своего питомца в ссылку...

...Флигель-адъютанта Кутайсова послали царь и царица в качестве лица, наблюдающего за великим князем. Кутайсов должен был доносить в Петербург о поведении сосланного и о об условиях его жизни.

– Как тяжело, как неприятно и ложно моё положение. Быть тюремщиком! И у кого? Ведь Вы же видите, какой он благородный и чистый. Как страдал отец! Но, правда, он умолял и просил его сказать... Слава Богу, слава Богу, на нём нет крови. Он участвовал, но не убивал...

...Штаб Корпуса находился впереди. Далеко за Казвином. Великий князь ехал в штаб и на позиции. Казаки угощали его на остановках дастарханами, «алой-вердой», лезгинкой, музыкой, джигитовкой и даже... фейерверками. Это не был походный атаман, но казаки «распоясались» в искреннем казачьем гостеприимстве...»³²

Приезд опального князя вызвал повышенный интерес офицеров. Генерал Баратов устроил приветственный ужин, на котором резко проявилась оппозиционность офицеров и их недоверие к тылу и правительству.

Дмитрий Павлович числился прикомандированным к штабу корпуса и находился в личном распоряжении генерала Баратова. Судя по всему, в боевых действиях в Персии великий князь участие не принимал.

Ниже приведены письма, отправленные Дмитрием Павловичем своему отцу великому князю Павлу Александровичу. Письма освещают подробности пребывания великого князя в Персии³³.

2010. – (Военные тайны XX века).

³² Емельянов А.Г. Казаки на персидском фронте (1915–1918). – М.: Вече, 2007. – С. 290–302.

³³ Письма приведены по: Емельянов А.Г. Казаки на персидском фронте (1915–1918). – М.: Вече, 2007. – С. 388–418.

Письма

Казвин, Персия. 14 января 1917 г.

Дорогой мой папа, мой милый друг. Через два, три дня уезжает Георгий Михайлович Лайминг. Так как до того времени я вряд ли получу твоё письмо, то я и решил его не ждать, а воспользоваться случаем и послать моё послание таким важным способом, не боясь перлюстрации. Плана особенного для этого письма у меня нет, а буду писать, как думается.

Вот уже 2 недели, что я на персидской территории. Приехал сюда 31 декабря. Сначала и в особенности в пути было несказанно тяжело. Казалось что я действительно еду на край света. На четвёртые сутки доехал лишь до Баку. А там ещё 16 часов через море только для того, чтобы достичь Персии. В Энзели (Персидский порт) встретил меня от имени ген. Баратова ген. Шах-Назаров. Очень милый и доброжелательный старик. Нам предстояло сделать 300 вёрст на автомобиле по шоссе. Эта дорога русская, называется Энзели-Тегеранской, но имеет несколько веток, например, почти до занятого теперь турками города Камадана.

Так как физически невозможно проехать 300 вёрст между Энзели и штабом Баратова, в один день или в один раз – пришлось остановиться ночевать в местечке Менжим. Там, на питательном пункте Земского Союза мне и моим спутникам было приготовлено помещение. Дома персидские не подлежат описанию. Они построены все из простой глины (не кирпич), перемешанной с соломой. Скорее имеет вид – навоза, чем строительного материала. Потом, ввиду страшного летнего зноя (до 65 Реомюра), у персов двери нет, а просто зияющая дырка, и окон тоже не полагается – просто сплошная стенка. Уже русскими руками, в тех постройках, в которых живут войска или расположены разные учреждения, – пробиты маленькие окна и поставлены поганые печи, которые топятя тёртым и прессованным верблюжьим навозом. Можешь себе представить, какой прекрасный воздух.

Климат тут странный. Днём, когда выходит солнце, всё размякает и тогда тепло, градусов 8–10. Зато после заката делается страшно холодно. Т. е. температура и не такая низкая, но как-то пронизывающе. Горы все покрыты, конечно, густым снегом.

Что касается природы, то она страшно однообразна. Ещё в Энзели (около моря) много растительности, но чем больше уходишь в горы – растительности делается меньше, и, наконец, остаются одни лишь жёлто-серого цвета холмы, скалы и горы. Мне кажется, что на Луне такая Богом проклятая природа. Даже селения персов не вносят разнообразия в общую однотонную картину, ибо, как я уже сказал – селения эти построены из смеси глины, соломы и верблюжьего помёта. Что у персов удивительно, это их водоснабжение. Они проводят её куда угодно при помощи канав. Рисовых полей очень много. Это главный рассадник лихорадок.

Теперь, после краткого описания персидской природы, я вернусь снова к моей поездке. Значит, я уже сказал, что ночевать мы остались в Менжим. Приблизительно 100 вёрст от Энзели. На следующий день поехали дальше. Путь лежал прямо через горы. Мы долго подымались по страшно извилистому шоссе и, наконец, добрались до перевала (Куинский 660 саж.). Там дул феноменальный ветер и было просто холодно. Ещё вёрст 50, и мы доехали до города Казвина. Он отстоит приблизительно в 100 верстах от Менжим и значит, в 200 от моря или от Энзели.

В Казвине меня приветствовал Баратов. Произвёл он на меня тогда самое лучшее и даже трогательное впечатление. Он был весь только и занят мыслью, как лучше меня устроить, как бы мне угодить. Теперь уже прошло две недели с тех пор, и я, конечно, успел уже оглядеться. Баратов, действительно, трогательно заботится обо мне, но он осетин, кавказец. Не лишён хитрости в большой дозе и, мне кажется, даже и фальши.

Здесь в Казвине мне был официально предложен большой завтрак. Баратов, а это его слабость, говорил много трогательных «спичей». Тут уже раздавались кавказские песни застоль-

ные и аллаверды вовсю. Кормили кавказскими блюдами: шашлык, лю-лю кебаб (котлеты на вертеле с чесноком), чакоч-били и тому подобными неудобоваримыми яствами с самыми дикими названиями. Завтрак затянулся до 4 дня – с чаем (всё это происходило 31 декабря). Когда встали со стола, то сели в моторы и отправились дальше. Предстояло сделать ещё вёрст 115 до деревни Аве, где и стоит штаб 1-го Кавказского кавалерийского корпуса генерала Баратова.

Добрались мы лишь около 9 1/2 часов вечера. Поместили меня в персидском доме такого описания, как я уже приводил. Но стараниями штаба, мне единственную комнату этого дома привели, насколько возможно, в уютный вид. Обтянули холстом, кое-где нацепили ковры, а пол покрыли соломенным матом (как в конюшнях). Повторяю, что мои новые товарищи приложили всё старание, чтобы устроить меня получше. Так что мне жаловаться было невозможно, в особенности им – офицерам штаба. Но, конечно, условия жизни в этих персидских домах очень трудны. Я думаю, я там и простудился. Ибо до вчерашнего дня я чувствовал себя омерзительно. Что-то вроде лихорадки. Да это вполне понятно. В комнате стоит маленькая печь. Ночью страшно холодно. Значит, приходится её натапливать до отказа, а утром снова холодно. Потом от соломенного мата идёт феноменальная пыль – сильно раздражающая горло.

По счастью ген. Баратов переводит штаб в Казвин. Теперь он с Янушкевичем в Тегеране, и я живу в Казвине в европейском доме – Собрании Энзели-Тегеранской дороги. Сюда именно и перейдёт числа 20 наш штаб. Ну здесь, конечно, условия совсем иные и несравнимые с Аве. Потом, кроме всего прошедшего, в Аве мне трудно дышать ужасно. Там 6400 ф. высоты, и это даёт себя чувствовать.

Бумаги мало, продолжаю на других листах.

По приезде 31 декабря в 9 1/2 ч. ночи в Аве, мне дали немного отдохнуть, а потом мы собрались в столовой штаба для встречи Нового года. Столовая эта устроена просто в кибитке. Но в ней тепло и не дует.

Перед началом ужина, был отслужен краткий молебен с провозглашением многолетия.

Теперь, повторяю, дорогой мой, мне уже много лучше. Человек такое животное – ко всему привыкает.

Но тогда, ночью 31 декабря, после того что мы проехали более 300 вёрст на автомобиле, то по солнцу, то по снегу со страшным ветром, среди совершенно мне незнакомых людей, встречать Новый год и молиться, слыша слова молебна, было страшно трудно. Много, очень много надо было нравственной силы, чтобы остаться спокойным и не расплакаться, как маленькому ребёнку. Пожалуй, первые два дня в поезде и эта встреча Нового года, самые трудные минуты моего изгнания.

Ах, как горячо молились. Боже, как хочется, чтобы 17 год для России был бы светлым и радостным.

Ведь говорят же «Велик Бог земли русской». Он видит всё. Он знает, что кто бы ни сделал это дело (убийство Распутина), эти люди искренно, горячо, страстно любят Россию, свою Родину. Люди эти, любя Россию, горячо преданы своему Государю. Ведь такое положение вещей долго продолжаться не могло. Ведь во время такого страшного испытания, такого ужасающего напряжения, каковым является эта война для России, она, наша родина, не могла быть управляема ставленниками по безграмотным запискам какого-то конокрада, грязного и распутного мужика. Пора было очнуться от этого кошмара, пора было увидеть луч чистого света.

Теперь, дорогой друг, должен тебе привести несколько картинок из нашей жизни, и тогда тебе будет вполне ясна вся обстановка.

Много было обедов, и официальных и просто дружеских. За этими обедами всегда говорились речи. Речи эти граничили с политическими. Т. е. другими словами, кто более открыто, кто посдержаннее, радовались известному событию. Конечно, имена не назывались. Причина

радости была всегда скрыта, но, повторяю, речи эти были почти патриотическими. Моё пребывание здесь всех убедило, – и это видно, – что я замешан «в этом деле».

Что же касается личного моего состояния, нравственного и физического, то я уже немного это описал. Только вчера я лучше себя почувствовал. Противная простуда не покидала меня. Нравственно я теперь успокоился. Только дальность от дома, вот главная причина неприятностей. Письма почтой идут почти 2 недели. Новости из России приходят из газет лишь на 10 день. Иногда находит феноменальная тоска по дорогим мне. По тебе, родной. Много я бы дал, чтобы увидеть тебя. Но в общем жить можно. Как я тебе телеграфировал, большой компанией было мне найти то трогательное к себе отношение, которое я тут встретил у новых товарищей. Бог поможет мне!

Ну, а теперь родной – прощай. До следующего письма. Не забывай совсем меня в далёкой Персии. Обними мамочку – бибишек. Крепко любящий тебя.

Дмитрий.

Покажи письмо Марии. Скажи ей, что я часто о ней думаю и не забуду трогательное её отношение ко мне в трудные минуты. Крепко её и ещё раз тебя целую. Любящий тебя «изгнанник».

Казвин, Персия, 7 февраля 1917 г.

Мой дорогой папа.

Спасибо, милый, за письмо твоё. Мне так приятно слышать о Вас всех, мне дорогих и близких.

Тетя Михен прислала мне копию письма, которое семейство написало! И странную на этом письме резолюцию. Действительно, резолюция вполне неожиданная. Фраза «никому не позволено заниматься убийствами» как-то ставит семейство в положение шайки преступников, занимающихся разбоем и грабежами на большой дороге.

Потом вполне согласен с тобою, что крайне странно было писать тебе и Марии ласковые записки. По-видимому, они строго различают Вас от меня! Да! Видно, что в Александровском дворце раздражение большое ещё. И потому моё личное впечатление, что надо теперь всем временно успокоиться и больше ни о чём не просить. Я боюсь, что такими просьбами и записками делу не поможешь, а только будет хуже раздражать. А между тем пока мне здесь не так плохо. Ты так же хорошо, как и я, знаешь, что поступки Александровского дворца иногда лишены логики. И, зная это, я опасаюсь, что, если теперь, пока раздражение не улеглось, просить и чего-то добиваться по отношению ко мне, это приведёт лишь к тому, что «там» скажут: «Ах, ему плохо в Персии, – не угодно ли в Сибирь», назло тебе и всей семье.

Поэтому я лично советую и даже прошу придерживаться выжидательной политики и ровно ничего до поры до времени не предпринимать. Уверен, что так лучше и что ты меня поймёшь.

Как я писал мамочке, дело Марианны меня возмутило как по обстановке, так и потому, что Протопопов ей говорил, – какая удивительная наглость! Теперь поговорю о себе. Здоровье моё отлично. Да и не удивительно, ибо погода тут прекрасная. Днём тепло, как бывает в Петрограде лишь в конце апреля. Я очень много выхожу, много катаюсь верхом на чудном жеребецтекинце(подарок мне одного богатого перса), успел уж загореть, как летом. Настроение моё очень спокойное и тихое. Я, папа мой милый, твёрдо верю, что милость Божия ни меня, ни Вас, дорогие мои, не оставит. Мысль о том, что будущее будет, должно быть светлым, сильно поддерживает меня. Всё обойдётся. А что бы ни было, – ты правду знаешь! Ты знаешь также, что сын твой чист от липких пятен крови. Совесть его прозрачна, и любовь к тебе сильная и большая. Ну а ты, дорогой, что поделяваешь, как здоровье? Как настроение? Судя по письму, оно неважно. Ах, как мне хотелось бы издали тебе прислать немного тепла из Персии, неда-

ром названной страной льва и солнца! Мне хотелось бы узнать, что ты не слишком грустишь, что твоё настроение не слишком подавленное. Ничего, родной, ничего, мой милый друг. Будь спокоен. А мне Бог помогает. Я сознательно гоню от себя мысли о Вас всех, мысли о том, как хорошо и уютно у Вас в доме и как вкусно там едят. Почему сознательно я гоню эти мысли, спросишь ты, да потому, что оно лучше, ибо если этим мыслям отдаться, то станет слишком тяжело на душе. Всё-таки 4000 вёрст – очень уж много, и если только подумаешь об этом, то, конечно, станет тоскливо и одиноко.

Временно мы тут живём без Баратова. Он уехал в отпуск в Тифлис. Его заместителем является начальник 1-ой Кубанской дивизии генерал Раддац. Бывший гродненский гусар, служивший последние 10 лет в Сибири. Очень милый и, по-видимому, храбрый генерал.

Ну а кончая письмо, скажу тебе ещё раз. Дорогой папа, не падай духом, всё уладится, не слишком беспокойся за меня, здесь уж во всяком случае лучше, чем в Петрограде. Был бы ты сам твёрд духом, здоров и спокоен. Крепко, крепко обнимаю. Люблю тебя всем сердцем и душой. Если не слишком скучно – пиши. Твой Дмитрий.

Скажи Бибешкам que frere Dmitre их нежно целует и постоянно думает о них так же, как о вас, родные мои.

Казвин, Персия. 20 февраля 1917 г.

Мой милый друг, дорогой мой папа. Спасибо тебе, родной, за письмо, которое я получил 18 февраля. Мне так страшно приятно иметь письмо от всех моих дорогих, от тебя, мой милый!

Теперь, папа, я хочу поговорить с тобою на серьёзную тему. А именно относительно возможности моего переезда в «Усово». Может быть, тебе будет немного неприятно, но я ведь всегда с тобою откровенен.

Ты в последнем письме своём говоришь, что Ники почти окончательно решил в марте перевести меня в Усово.

Вот тут и есть загвоздка. Послушай, мой дорогой папа! Теперь в Персии неплохо. Даже обратное. Тут тепло (в тени 10–12 град.), а на солнце так просто жарко. Следовательно, климат пока уж наверное лучше, чем в Петрограде или даже в Москве. Плохое время начнётся лишь в конце апреля. Я тебя очень, очень прошу не настаивать на моём отъезде из Персии до апреля месяца. Потом уж, отложив вопрос климата в сторону, я должен сказать моё твёрдое мнение и даже убеждение, что чем меньше пока просить у Их Величеств относительно меня, тем лучше.

Потом ещё есть вещь, которая говорит в пользу моего желания остаться здесь. А это политическая сторона. Я тут так далёк от шума и грязных сплетен и пересказов. А если буду даже в Усове, – я сразу попаду опять в центр публичного внимания и толков. Ты, конечно согласен со мною, что этого надо избежать во что бы то ни стало! Правда?

А когда наступит апрель, пройдёт ещё месяц, шум ещё немного подтихнет, и тогда мой переезд в Усово пройдёт незаметно. А климатическая разница между жарким югом и нашей северной весной будет гораздо меньше, чем теперь, в марте.

Вот, родной мой друг, главные причины, которые побудили меня просить о том, чтобы пока меня оставили бы здесь. Я тебя, милый, уверяю, что здесь в Казвине, совсем не плохо. Даже комната моя лучше, чем в Могилёве!

Потом, мне очень хочется сказать тебе одну вещь, да боюсь, что можно меня будет обвинить в сентиментальности. Я хочу сказать тебе, что письма твои меня каждый раз больше и больше трогают. И не теми словами, которые там написаны, а той любовью, той громадной нравственной поддержкой, которая сквозит между строками. Читая твои письма, вся душа идёт к тебе, дорогой мой папа, мой милый друг. Я сознательно называю тебя другом, потому что ты мне не только отец, а и близкий, близкий друг. Есть вещи, которые трудно иногда сказать отцу, но другу не только не трудно, но даже бесконечно приятно. Так и мне с тобою. Поэтому-то мне так легко говорить с тобою.

Я редко говорил тебе такие вещи. как-то трудно было это словами выразить, а теперь потянулась душа к тебе, и я всё сказал... Мог бы много ещё сказать, да, пожалуй, места не хватит. Да потом я знаю и чувствую, что ты меня поймёшь! Не правда ли? Ну, за сим, тепло и нежно обнимаю мамочку. Напрасно она думает, что мысли мои восстановлены против неё. Если бы она знала, как часто я думаю о ней, и скажи ей, что её тёплое и откровенное участие, тогда, когда Вы были у меня на Невском, я не забуду. Храни Вас, родимые мои, Господь Бог. Давайте все перекрестимся и, твёрдо помолившись, укрепим свою веру, свою надежду на то, что после тяжёлой грозы настанут дивные, солнечные дни.

Прощай папа родной, до следующего письма. Крепко, крепко тебя целую и очень, очень люблю.

Твой «персидский изгнанник»
Дмитрий.

P.S. Значит, мои мысли относительно моего возвращения ты поймёшь. Не правда ли!

Я знаю и страшно ценю, что ты хочешь мне помочь, но уж верь мне! Теперь, пока здесь ещё не опасно, лучше тут оставаться! А в конце апреля будет видно.

Казвин. Персия. 19 марта 1917 г.

Нежно любимый, мой дорогой папа. Вся душа, все мысли, ежечасно, ежеминутно летят к тебе! Храни и огради тебя Господь Бог.

Да! Страшное, тяжёлое время переживает теперь Россия в целом и все люди, в частности. Старый строй должен был неминуемо привести к катастрофе. Эта катастрофа наступила. И осталось лишь надеяться на то, что свободная Россия, созная все свои силы, вышла бы из этих ужаснейших событий с честью и достоинством. Лозунг теперь всем должен быть: всё для победы, всё для войны! Очень страшно думать, что лозунг этот может замениться другим: «революция ради революции». И тогда конец!

И снова хочется мне сказать тебе, что мысли мои с тобою, всегда и постоянно. Лишь бы здоровье твоё выдержало бы, а там, что Бог даст.

Что касается моих планов, то скажу тебе следующее. Я вперёд уверен, что ты согласишься со мною и с моими мыслями.

Дело в том, что когда здесь мы узнали о перевороте, первая мысль была о тебе, о том, что я непременно должен ехать назад. Но потом, подумавши, я переменял мнение, и вот почему. Ты знаешь, папа, что я так подумал. Если бы моментально после падения старой власти припёр бы в Петроград, это было бы с моей стороны страшным хамством по отношению к бедному Ники, да потом и слишком поспешно даже по отношению к новой власти. Все газетные заметки о том, что Керенский мне сообщил о возможности вернуться, до сего дня, т. е. до 19 марта, не оправдались.

5 марта я получил телеграмму от Миши, в которой он спрашивал: «Куда и когда я думаю ехать». На эту телеграмму я ответил следующее. «Тебе известно, что мой отъезд в Персию был вызван волей твоего брата. Без категорических указаний, оставить место своего пребывания не считаю возможным. От кого получу эти указания – не знаю».

Я думаю, что иначе я ответить не мог. Но соваться на первых же порах в Петроград, как бы слишком радуясь тому, что власть, меня выславшая, провалилась, – было подсказано чувством простого такта. Я уверен, что ты меня поймёшь!

Да, притом я был убеждён и знал, что Вы все помните обо мне, и что если моё присутствие было бы необходимым, то, конечно, Вы бы меня известили. От Марии из Пскова получил тогда же телеграмму. По ней я увидел, что сестра спокойна. Кончалась её телеграмма так: «Пока советую оставаться». Эта фраза, конечно, поддержала меня в моём решении.

Конечно, обстановка меняется так быстро, события идут с такой головокружительной быстротой, что вероятно очень, что когда это письмо будет в твоих руках, – всё уже переменится.

Резюмируя всё сказанное, я думаю, что если ничего нового не будет, то я появлюсь на петроградском горизонте в середине апреля.

Да! Страшное время переживаем. Главное, что давит, – это, по-моему, чувство полнейшей неизвестности. Что ещё готовит судьба?

Главное знай ты и мамочка, что всем сердцем, всей душой с тобой и с Вами. Положительно не проходит минуты, когда мои мысли не шли к Вам, мои бедные, дорогие друзья.

Ужасно беспокоюсь относительно твоего здоровья. Главное береги себя и будь спокоен, на сколько, конечно, это возможно в наше время.

Ну, а засим крепко и нежно обнимаю Вас обоих. Будьте спокойны, не падайте духом и Богом хранимы!

Может быть теперь до скорого. Прощай, родной. God bless and protect you.

Дмитрий.

Казвин. Персия. 23 апреля 1917 г.

Дорогой и милый мой папа.

Это письмо доставит тебе офицер 2-го стрелкового полка штабс-капитан Михайлов. За все эти месяцы, что я в Персии, он неофициально состоял при мне, служа сам в бронированных автомобильных частях, где и заслужил свой крест.

За его скромность я вполне ручаюсь. Он малый неглупый, очень скромный и, видимо, искренно ко мне привязан. Если ты не хочешь многое писать, скажи ему на словах, он сумеет мне всё правильно передать и не напутает.

Ты знаешь, что моё последнее письмо было вскрыто в Баку тамошним Исполнительным Комитетом, о чём этот Комитет мне любезно дал знать официальным письмом, причём адресовал письмо «гражданину Дм. Пав. Романову». По счастью, «Комитет» ничего противоправительственного в моих письмах не усмотрел, и, следовательно, факт вскрытия моих писем – мне же в плюс, ибо даже с нарочным я не писал ничего предосудительного с точки зрения нового режима.

Теперь же «суди меня Бог и военная коллегия». Мне слишком надоело думать о каждом слове, и поэтому, в надежде на то, что шт. – кап. Михайлова не обыщут по пути, я рискну всё писать, как думаю и как чувствую.

Не боясь повторять сто раз одно и то же, я должен тебе сказать, что не проходит и часа, чтобы мысли мои не шли к тебе, тоскливо окружая тебя в бессильном желании тебе помочь. *Pas de nouvelles*, – говорят. И потому я утешаю себя мыслью, что ты не слишком падаешь духом с точки зрения личного состояния. Мой бедный, близкий друг! Какие тебе судьба приготовила испытания! Если нам, молодым, тяжело и больно, – что же должен испытывать ты, у которого гораздо больше опыта и, следовательно, житейского понимания.

А что больно смотреть на тот хаос, который кругом происходит, – так это верно. Больно с точки зрения национального самолюбия, с точки зрения человека, горячо любящего родину и желающего ей крепости и величия. Посмотри, что сделали с нашей армией? Ведь мы никогда не могли похвастать очень сильной и крепкой дисциплиной, но теперь же её совсем уж нет. Не надо забывать, что сила и сплочённость армии является характерным показателем военной мощи страны! Не могу от тебя, мой родной, скрыть, что я необыкновенно мрачно смотрю на будущее. Мы, по-моему, победить или разбить врага не сможем. Да и за что теперь мы дерёмся? Это ужасные вещи я говорю, но ведь это сущая правда. Ты вспомни только начало войны. Уже тогда многие говорили, что из-за маленькой Сербии не стоило было затевать такую невиданную войну. И тогда, я помню, мысль о том, что у нас, русских, наконец, осуществится наша

старая, историческая национальная задача – покорение Царьграда и открытие проливов, – одна способна была морально и даже физически материально компенсировать наши колоссальные затраты, наше громадное напряжение.

Что теперь мы видим? Мы отказались от каких-либо захватов или аннексий. И, значит, отняли почти главную, если не единственную цель, за которую мы пролили и проливаем столько крови! И снова я спрошу, за что мы дерёмся? Не за то ли, чтобы в лучшем случае до границы, и то уже сокращённой из-за самостоятельной Польши, и чтобы после войны 12 миллионов солдат, возвращаясь на родину, ещё больше бы увеличили тот хаос, в котором мы сейчас? Возвращаясь снова к вопросу об армии, надо сказать, что прямо страшно делается, глядя на то, что в ней творится.

Даже у нас, в Персии, на далёкой окраине, и то не проходит дня без того, чтобы какой-нибудь «Солдатский Комитет» не выгнал бы к чёрту офицера! Ведь эти факты так часты, что на них стали даже мало внимание обращать. Или, например, пришли сюда два батальона, идущие на пополнение. Оба батальона отказались идти на позиции, а многие солдаты поступили ещё проще – ушли обратно домой, предварительно выгнав по решению комитета обоих батальонных командиров. Если это всё происходит здесь, где каждый солдат ещё подумает 20 раз раньше, чем дезертировать, ибо ему с позиций, находящихся за Касрешерином, нужно пройти до Энзели, ровно 1 1/2 тысячи вёрст пешком, что же должно происходить в России? Да там, судя по рассказам очевидцев, один ужас, в особенности на дорогах.

Да! Как мы выиграем эту войну, – я не знаю. А если мы её проиграем, то мне лично будет прямо стыдно называться русским. Ты только подумай, с каким чувством позора мы посмотрим в глаза союзников. Ты только подумай о национальном стыде.

Ведь всем этим «борцам за свободу» должно быть ясно, что если только мы будем побеждены немцами, то ведь от свободы ровно ничего не останется, не так ли?

Боюсь, что я тебя, мой дорогой друг, утомил своими мыслями, своими невесёлыми словами, но поверь, что я так рад возможности, наконец, свободно потолковать с тобою, не боясь (относительно) цензуры.

Потом другая мысль мне просто покоя не даёт.

В дни старого режима, в дни того, что теперь принято называть «прогнившим строем», мы часто и откровенно говорили с тобою. Ты отлично знал мои взгляды, которые шли прямо против того, что тогда творилось. Мы все приходили к убеждению, что «старый режим неминуемо должен привести к финальной катастрофе». Так оно и случилось!

Помнишь, как я был, сам того не зная, – прав, когда умолял Ники не брать командование армиями, относиться с большим доверием к народному представительству и обращать больше внимания на общественное мнение, говоря, что в противном случае, всё рухнет! Наконец, последним актом моего пребывания в Петрограде явилось вполне сознательное и продуманное участие в убийстве Распутина, как последняя попытка дать возможность Государю открыто переменить курс, не беря на себя ответственность, за удаление этого человека. (Аликс ему это бы не дала сделать.) И даже это не помогло, и всё осталось по-прежнему, если не стало ещё хуже.

Так вот какая мысль мне не даёт покоя, видя, что творится кругом. Неужели старое правительство было право, когда в основу всей своей политики (против которой я так восставал) клало идею о том, что мы, русские, не доросли до «свободы»?

Неужели это действительно так? Неужели русский человек видит в «свободе» не увеличение гражданского долга (не за страх, а за совесть), а просто свободу делать то, что раньше запрещалось? Неужели наша русская психология не признаёт другой свободы, как свободы хамского желания, самого грубого его исполнения и абсолютное непонимания спокойного и сознательного национального самоуважения?

Вот эта мысль ужасна!

Когда я был в Тегеране, то мне пришлось очень много говорить с английским посланником Sir Marling'ом. Он большой друг Бьюкенена, и, следовательно, по его словам можно было судить и о политике этого последнего. Когда я только приехал в Тегеран, то после первого же разговора увидел, что у англичан, да и у других иностранцев несколько неправильная точка зрения на то, что происходит в России. Скажу больше. Англичане даже немного радовались тому, что писалось о нашей революции, но потом старый Marling стал призадумываться, ибо ему стали знакомы многие факты, которые он раньше игнорировал, находя, что это лишь временные явления. Как, например, вопрос об армии. В одном из наших разговоров он меня спрашивал, как я лично смотрю на всё происходящее. Тогда я ему и сказал, что лично я нахожу, что единственный способ выйти с честью из создавшегося положения, это – безусловное подчинение Временному правительству. Что, говорил я дальше, происходит в стране, кого мы арестуем, кого судим – это не касается иностранцев. Их, наших союзников, должны интересовать события лишь постольку, поскольку мы можем сдержать наши обязательства по отношению к ним. Слушал старый Marling внимательно и, наконец, совершенно согласился со мною. Когда я покидал Тегеран, у него уже больше не было того радостного отношения, обидного для русских и русского самолюбия, какое наблюдалось у него раньше.

Думается мне, что у Бьюкенена «рыло-то в пуху» относительно нашей революции. Мне кажется, что общая ошибка их, иностранцев, заключалась в том, что они думали, что революция пошла сверху и, следовательно, анархия и хаос, всегда идущий с революцией снизу, устранимы!

Теперь им приходится немного изменить их точку зрения, ибо у нас именно всё теперь пошло снизу. Ужасно боюсь, что ты давно послал меня с моим громадным письмом к чертям. Поэтому я перестаю говорить о политике, ибо я свободно мог написать целый том, если не два, и перехожу к личным вопросам.

27 марта я послал телеграмму на имя председателя Совета Министров кн. Львова. Вот дословно то, что я написал.

«В вашем лице заявляю свою полную готовность поддерживать Временное правительство. Ввиду появившихся в газетах сообщений о принятом будто бы Временным правительством по отношению ко мне решении касательно моего возвращения в Россию, и не имея лично никаких данных, подтверждающих или отвергающих это, очень прошу, если найдёте возможным, не отказать сообщить, совпадают ли эти сообщения с действительным решением Временного правительства».

Ответ получился следующий от того же князя Львова.

«Временное правительство никаких решений, касательно вашего возвращения, не принимало».

Должен сознаться, что этот ответ поставил меня в тупик. А с другой стороны, я, значит, был прав, когда решил не верить в газетные сообщения, говорящие о том, что Керенский мне дал знать о том, что я могу вернуться.

Что касается моих планов, то они следующие, хотя, конечно, теперь события так быстро идут, что и планы могут меняться, как калейдоскоп. Да так фактически оно у меня и вышло, ибо я два раза менял свои решения.

Должен сознаться совершенно откровенно, что я не особенно пока желаю возвращаться обратно в Россию. Что мне там делать? Вернуться и спокойно, сложа руки, смотреть на тот хаос, который происходит, и подвергаться разным обидным инсинуациям только за то, что я ношу фамилию Романова, – я не смогу. А быть арестованным после того, что я для блага родины поставил на карту своё доброе имя, участвуя в убийстве Распутина, я считаю для себя обидным! И даже мелким!

Поэтому я и решил пока посидеть в Персии. Но, конечно, милый мой папа, это немного эгоистическое решение сейчас же распадётся прахом при одном лишь намёке от тебя, что я

для тебя могу быть полезен, могу быть в пользу или просто нужен, по соображениям ли материальным или просто нравственным!

Пожалуйста, не думай о моих личных желаниях и, если только тебе действительно меня нужно, я приеду – будь то в вагоне 3 класса или для «перевозки мелкого скота».

Думал я одно время идти в строй, но потом отказался и от этой мысли, ибо и в строю не легче. На каждом шагу ложность положения сказывается с удивительной ясностью. Иногда меня демонстративно называют офицеры и солдаты «господин штаб-ротмистр», иногда никак, а иногда по-прежнему величают Императорским Высочеством, боязливо оглядываясь по сторонам! Но не подумай, что во мне говорит чувство оскорблённого величия, а просто больно за ложность положения! Скажи мне сегодня, что я больше не великий князь, а просто monsieur (гражданин) Романов, было бы во сто раз лучше. По крайней мере, положение было бы ясное и вполне определённое. Что это – справедливо нас лишать княжеского достоинства, а председателю Временного правительства Львову оставлять его титул князя – вопрос иной.

Но ведь теперь имя «Романов» является синонимом всякой грязи, пакости и не добропорядочности!

Но возвращаясь снова к основному вопросу, т. е. моим планам.

Значит, в строю (в тесном смысле этого слова) весьма трудно, особенно пока положение наше не выяснено.

В Казвине стало тоже очень трудно, ибо здешний «Исполнительный Комитет» стал весьма агрессивен.

Взяв всё это в соображение, я ухватился руками и ногами за предложение командира нашего 1 Кавказского кавалерийского корпуса ген. Павлова (твой хороший знакомый) – ехать в Тегеран, как офицер для связи при миссии, в которой много точек соприкосновения, ибо нельзя забывать, что наши войска находятся в нейтральной стране и, следовательно, наряду с военными вопросами, постоянно возникают вопросы политического характера.

Следовательно, я поеду на этих днях в Тегеран. Я там уже успел побывать на Пасхе. Там сравнительно меньше этой неприятной стороны революции и не могу я скрыть, что там отдыхаешь нравственно, причём, конечно, условия и жизни и климата несравненно лучше, чем здесь, в Казвине. Дня четыре тому назад я проехал в Хамадан повидаться по делам службы с ген. Павловым. Ему, бедному, очень здесь трудно. Он необычайно остро и болезненно переживает все перемены, новые порядки и новые точки зрения, касающиеся армии вообще и дисциплины, в частности!

Что касается климата, то уже жара бывает страшная (30) в тени по Реомюру. Но так как воздух сухой, то и переносить жару совершенно легко и совершенно без испарины!

Здоровье моё было прекрасно, но только четыре дня тому назад я страшно заболел животом. Бог знает, что у меня сделалось. Несло меня раз по 15 в день, как из брандспойта, и в три дня я так ослаб, что почти не мог стоять на ногах. Сегодня стало уже лучше, и, значит, имеются надежды на скорое поправление.

Вот пока всё, что я могу тебе написать. Кончаю это письмо в окончательном убеждении, что ты устал страшно.

Но милый мой, прости меня за это многословие. Зато я передал тебе немного своих, увы, невесёлых мыслей.

Ещё раз на прощание скажу тебе, если я тебе могу быть нужным, ради Бога только скажи, я моментально буду с тобою.

Что касается моих дел в Петрограде, то я, безусловно, доверяю моему старому другу Лаймингу. И поэтому думаю, что и там моё присутствие уж не так необходимо.

Ну, а за сим, нежно и крепко обнимаю тебя и мамочку, родные Вы мои. Будьте насколько возможно здоровыми, не падайте духом. Когда-нибудь должны же настать дни радости и света.

Прощай мой милый. Будь Богом хранимый и ради самого Создателя береги своё здоровье.

Ещё раз крепко целую как люблю. God bless you dear.

Дмитрий.

P.S. Дай Марии прочесть это письмо.

После революции Дмитрий Павлович переехал в Тегеран и поселился в английской миссии, переехал оттуда в Лондон, и наконец в Париж. В эмиграции Дмитрий Павлович вёл активную политическую жизнь – поддерживал кандидатуру великого князя Кирилла Владимировича на русский престол, являлся председателем Главного совета Младоросской партии.

Скончался в Давосе, Швейцария, в 1942 г.

Константиновичи

Константиновичами называли потомков сына Николая I великого князя Константина Николаевича – военного и государственного деятеля, реформатора русского флота, сподвижника своего брата Александра II в его либеральных реформах.

К началу Первой мировой войны эта ветвь династии была представлена семьёй великого князя Константина Константиновича и его братом, великим князем Дмитрием Константиновичем. Константин Константинович родился в 1858 г. и должен был стать моряком. Он плавал в учебной эскадре Морского корпуса, а в 1877 г. во время русско-турецкой войны участвовал в военных действиях против неприятельского флота в чине мичмана и был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени. Однако великий князь не любил морской службы. Слабое здоровье послужило поводом для перевода в сухопутные войска, в гвардию, который состоялся в 1882 г. В дальнейшем князь служил в Измайловском и Преображенском полках. В 1900 г. был назначен Главным начальником Военно-учебных заведений (с 1910 года – генерал-инспектор Военно-учебных заведений).

Под его руководством проводилась программа модернизации подготовки военных кадров.

Помимо служебных обязанностей великий князь занимался литературой под псевдонимом К.Р. – писал стихи и переводил иностранные произведения. Поддержал инициативу проведения «Измайловских досугов», направленных на повышение культурного уровня офицерства. В 1887 г. великому князю Константину Константиновичу было присвоено звание почётного члена Императорской Академии наук, а в 1889 г. был назначен её Президентом («августейший президент»). По его инициативе при Отделении русского языка и словесности был учреждён Разряд изящной словесности, по которому в почётные академики избирались известные писатели (например И.А. Бунин и А.П. Чехов). Возглавлял комитет по празднованию 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина. При содействии великого князя было открыто новое здание Зоологического музея в Санкт-Петербурге.

В 1884 г. великий князь женился на принцессе Саксен-Альтенбургской, при переходе в православие получившей имя Елизаветы Маврикиевны. В этом браке родилось девять детей. Личность великого князя во многом отразилась и на его детях: они воспитывались в духе православного благочестия и служения Родине. Пятеро из них: Иоанн, Гавриил, Олег, Игорь и Константин, приняли участие в Первой мировой войне.

Сам Константин Константинович к началу войны был тяжело болен и находился на отдыхе в Германии на родине жены, с ней и младшими детьми. Объявление войны застало их по пути домой. Они были задержаны и выдворены из Германии. Поезд проследовал 2 августа через Гумбиннен, где великий князь выходил прогуляться на платформу. В 5 часов утра следующего дня все пленники были направлены в Шталлупенен. Там всю семью посадили в автомобили и отвезли на границу, где выкинули из машин. Великий князь К.Р. из-за болезни долго идти не мог. Только разъезд смоленских улан смог спасти их. Как писал кн. Гавриил Константинович: «Начальник разъезда штаб-ротмистр Бычко узнал моего отца и помог всем добраться до ближайшей станции железной дороги». Несмотря на то что в дневниках К.Р. все эти события записаны довольно лаконично, можно поверить словам его сына: «на отца сильно подействовали пережитые волнения, но, как всегда, он ничего не говорил, а переживал их молча, в своей душе».

Эти и другие потрясения (гибель сына и зятя) ускорили развитие болезни, и 15 июня великий князь Константин Константинович скончался в своём кабинете.

Его брат – великий князь Дмитрий Константинович всю жизнь посвятил своему увлечению лошадьми, не был женат и не оставил потомства. К 1914 году его близорукость развилась

в почти полную слепоту. Великий князь был вынужден заниматься подготовкой кавалерии в тылу.

Иоанн Константинович (1886–1918)

Иоанн Константинович – первенец великого князя Константина Константиновича и первый обладатель титула князи крови императорской – родился 23 июня 1886 г. в Павловском дворце, принадлежащем его отцу. С детства Иоанчик, как юного князя называли в семье, отличался особой даже для семейства Константиновичей набожностью. В дальнейшем он содержал собственный хор и посвящал время сочинению духовной музыки³⁴.

5 сентября был зачислен в 1-й кадетский корпус, который окончил в 1905 г. Затем поступил в Николаевское кавалерийское училище, окончил обучение по 1-му разряду в 1907 г. После принесения военной присяги и присяги Члена Императорского Дома, получил чин флигель-адъютанта.

Великий князь Константин Константинович так характеризовал своего старшего сына в канун его двадцатилетия:

«Благочестивый, любящий, вежливый, скромный, немного разиня, не обладающий даром слова, несообразительный, но вовсе не глупый и бесконечно добрый»³⁵.

С 1907 г. проходил службу в лейб-гвардии Конном полку. Князь Трубецкой в своих записках вспоминает курьёзный случай, произошедший между ним и князем Иоанном ещё в мирное время:

«...Эти протесты были причиной новой нашей забавы, а именно, производства пожарных тревог. Мы с Танеевым выработали особое пожарное расписание, по которому каждый из нас кроме Мишанчика, имел свои обязанности. Жили мы все четверо на втором этаже, куда вела узкая деревянная лестница. Пожарная тревога производилась из расчета, что эта лестница горит, а, следовательно, и спасение по ней невозможно.

– Горим!.. Тревога!.. – не своим голосом вдруг принимался орать кто-нибудь из нас, и тут начиналось неслыханное безобразие. Танеев и я схватывали – кто ведро с водою; кто – кувшин или полный таз, и с этими спасательными средствами устремлялись, прежде всего, конечно, в комнату Мишанчика.

«Мишан, ты объят пламенем!» – вопили мы паническим голосом и в мгновение окатывали как самого Мишанчика, так и его постель. Мишанчик свирепел, но мы уже начинали «спасать» его пожитки, быстро выкидывая их в окно.

«Лестница в огне! – вопил Танеев, – спасайте Евменчика!» – и, покончив с барином, мы турманом накидывались на его слугу и скручивали его, пытаясь спустить на связанных простынях с балкона на улицу, причем почтенный человек беспомощно барахтался и визжал поросенком. В довершение тревоги мы с Танеевым сами молниеносно спускались с балкона на простынях, благородно спасая себя лишь в последнюю очередь.

Помню, однажды под вечер, в самый разгар такой тревоги, как раз в тот жуткий момент, когда мы с Танеевым силком переваливали за перила балкона скрученного Евменчика, и наш слуга по сему случаю от страха визжал кабаном, под самым балконом вдруг раздался чей-то грозный окрик: «Что за безобразие?!» Мы глянули вниз и ужасно растерялись, увидав прямо под нашей дачей долговязую фигуру великого князя Иоанна Константиновича, состоявшего тогда поручиком Лейб-гвардии конного полка. Привлеченный визгом Евменчика случайно проходивший по улице великий князь остановился и заглянул в палисадник нашей дачи, где и узрел весьма странную и совсем непонятную для него картину. «Что тут происходит?! Немед-

³⁴ Григорян В. Биографический справочник. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – С. 196.

³⁵ Григорян В. Биографический справочник. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – С. 196–197.

ленно прекратить это безобразие!» – крикнул великий князь, недоуменно разглядывая нас, покуда мы с Танеевым застыли на балконе, почтительно вытянувшись в позе «смирно». Окаченный водой и скрученный простыней, верный слуга наш, невольно подражая своим господам, тоже принял почтительную позу, вытянувшись рядом с нами. С растрепавшимися бакеннами и мокрый, как мышь, Евменчик имел в ту минуту такой смешной вид, что великий князь, как видно, с трудом удерживал улыбку. «Я покажу вам, вольноопределяющиеся, как безобразить!» – крикнул он нам угрожающе и, быстро отвернувшись, зашагал прочь, не оглядываясь»³⁶.

В 1911 г. князь вступил в брак с принцессой Еленой Сербской. На церемонии бракосочетания в Петергофе присутствовали представители обеих династий (Романовых и Карагеоргиевичей), в том числе император Николай II и сербский король Пётр I. Современные исследователи придают этому браку важное политическое значение. По мнению В.Л. Кузьмичевой, сербской династии Карагеоргиевичей, утвердившейся на престоле после так называемого Майского переворота в 1903 г.³⁷, требовалось упрочить своё положение и занять подобающее место среди правящих династий Европы. Россия оказывала поддержку Сербии, стремясь укрепить её суверенитет против Австро-Венгрии, а свадьба между представителями двух правящих означала признание Карагеоргиевичей равнородной Романовым династией³⁸.

Когда началась Первая мировая война, князь вместе с полком отправился на фронт (о действиях л. – гв. Конного полка в первые месяцы войны см. Дмитрий Павлович). Князь находился ординарцем при начальнике 1-й гвардейской кавалерийской дивизии генерале Н.Н. Казнакове. Иоанн Константинович принял участие в Каушенском сражении. Высочайшим приказом от 13.10.1914 он был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом и мечами за то, что «в боях 2, 4 и 6 августа, состоя ординарцем у Начальника дивизии, неоднократно передавал с явной опасностью для жизни распоряжения и этим способствовал достижению успеха»³⁹. 19 сентября праздновался день ангела князя Олега Константиновича, сохранилась поздравительная телеграмма от Иоанна Константиновича младшему брату:

«Из Гродно Действующей армии 19 сентября 1914 г.

Князю Олегу Константиновичу в лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк Действующая армия.

Мои и я сердечно тебя поздравляем с Ангелом. Здоровы ли Вы все. Телеграфируй в Штаб 22 корпуса. Храни Тебя Господь. Здоров. Иоанн»⁴⁰.

В 20-х числах августа князь был переведён в штаб 1-й гвардейской кавалерийской дивизии в Истенбург.

В ГАРФ сохранилось письмо князя матери. К сожалению, письмо писалось в спешке химическим карандашом, и со временем буквы расплылись, сделав некоторые части письма почти нечитаемыми:

«Восточная Пруссия 24 авг. 1914

Дорогая моя Мама!

³⁶ *Трубецкой В.С.* Записки кирасира: Мемуары / Вступительная статья, примечания в тексте и комментарий к персоналиям В. Польшковской. Комментарий к военной теме и воинской атрибутике Г.В. Вилинбахова. – М.: Россия, 1991. – С. 98–100.

³⁷ В результате этого переворота был убит последний король из династии Обреновичей, придерживавшийся проавстрийской ориентации, и на престол взошли прорусские Карагеоргиевичи.

³⁸ *Кузьмичева Л.В.* Правящие династии Сербии и Черногории в восприятии представителей Дома Романовых в конце XIX – начале XX в. // Человек на Балканах. Власть и Общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.): Сб. статей. – СПб.: Алетейя, 2009. – С. 189–202.

³⁹ *Лобаикова Т.А.* Вступительная статья: Из архива великого князя Константина Константиновича // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2007. – [Т. XV]. – С. 353–361.

⁴⁰ Иоанн Константинович, кн. Письмо брату Олегу Константиновичу, 19 сентября 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2007. – [Т. XV]. – С. 455.

Очень тебя благодарю за карточку. Вот пошёл уже второй месяц как мы уехали. Я слава Богу здоров и бодр... Был три раза под огнём. Господь миловал. [...] Бывает, что идёшь, идёшь, весь день, от утра и до ночи [...]»⁴¹.

27 августа он пишет письмо отцу:

«27 августа 1914 г.

Дорогие мои.

Вам везет, Вам письмо. Господь удивительно хранит меня. Я глубоко верю в Него и еще больше, чем раньше. Спасибо Вам от души за заботу о Пуси и Мими. Я ее видал в Петербурге. Бой под Креупишкиным никогда не изгладится из памяти. Бедный Дитрих. Все они погибли героями. Чаще телеграфируйте мне о Дуси. Храни Вас Господь. Я здоров и глубоко верю, что Господь благословит нас, братьев. О Косте известий нет. Все мы страшно дружны.

Обнимаю.

Ваш Иоанчик.

На обороте:

Пишу дальше.

Трудно описать чувство, когда находишься в бою. Страх, который стараешься побороть и, вместе с тем, хочется маску сделать. Я все время был ординарцем у начальника дивизии. Мог быть убит как угодно. Шрапнели летели над головой, но Бог меня спасал. Скверное чувство теперь сидеть здесь, когда братишки в опасности. Подчас ужасно бывает тяжело. Я не мог Вам писать всего. Даст Бог, после расскажу. Я бы мог приехать к вам, но тяжело опять расставаться. Часто думаю о тебе, дорогая Мама, как тебе, должно быть, тяжело, что мы, дети, идем против твоих же. Часто молюсь о тебе. Если мы все живы, то я считаю, что это благодаря тому, что я завещал, чтобы ежедневно шла в Мраморном (в нашей комнате) литургия о здравии всех нас, братьев. Мне все равно, сколько это стоит. Вера помогает во всем. Во время войны особенно чувствуешь.

Итак, до свидания, Отец»⁴².

Интересна дискуссия вокруг сведений о посещении Верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем Восточной Пруссии. Эти сведения были плодом слухов, распространившихся по всему фронту и, очевидно, глубоко укоренившихся – даже немецкий военачальник Э. Людендорф в своих мемуарах упоминает об этом, замечая, что во время немецкого наступления Николай Николаевич лишь в последний момент успел покинуть гостиницу в Истенбурге⁴³. Хозяин гостиницы «Дессауэр Хоф» Г. Торнер так описывает своего постояльца: «на следующий день, 27 августа, когда все было распределено, в мой отель въехал также великий князь Николай Николаевич. В противоположность генералу Ренненкампуф он был худощавым, высоким мужчиной. Великий князь поселился в так называемой башенной комнате на 4 этаже, оборудованной под рабочий кабинет. Были положены большие плиты, так что получился большой стол, на котором размещался обширный картографический материал. Великий князь, к которому все обращались «Ваше высочество», жил очень уединенно и много работал. Он почти все время проводил в своей комнате и почти никогда не ходил в ресторан. Еду, которую он получал с русской кухни, он тоже брал наверх, а прислуживал ему его слуга. Он держался в стороне ото всех мероприятий, кроме крупных официальных обедов, которые

⁴¹ ГАРФ, ф. 657, оп.1, д. 91.

⁴² Иоанн Константинович, кн. Письмо Константину Константиновичу и Елизавете Маврикиевне, 27 августа 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2007. – [Т. XV]. – С. 421.

⁴³ Пахалюк К. Романовы в сражениях в Восточной Пруссии в 1914 г. // Рейтар. – 2009. – № 3. – С. 180–191.

устроивал Ренненкампф, и выпивал только в обед и вечером по маленькому стакану светлого инстербургского пива, которое, однако, велел записывать на счет Ренненкампфа»⁴⁴.

Однако то, что Верховный главнокомандующий не въезжал в Восточную Пруссию в течение войны, точно установлено русскими историками⁴⁵. Кем же был постоялец гостиницы? К. Пахалюк вслед за другим краеведом И. Афониним считает, что им мог быть великий князь Дмитрий Павлович⁴⁶. Однако хозяин гостиницы вспоминает, что к князю обращались «ваше высочество», а к Дмитрию Павловичу следовало обращаться «ваше императорское высочество». Обращение «ваше высочество» применялось к князю императорской крови, а единственным человеком с таким титулом в Истенбурге был Иоанн Константинович. Внешне Иоанн Константинович похож на Николая Николаевича намного больше, чем Дмитрий Павлович, – последний, в отличие от Верховного, не носил ни бороды, ни усов. Поэтому представляется возможным предположить что в августе 1914 г. именно Иоанн Константинович жил в гостинице «Дессауэр Хоф». Однако не стоит забывать, что это лишь предположение, не подкрепленное документальными свидетельствами.

В Истенбурге князь принял участие в параде 1-й бригады 1-й гв. кав. дивизии, которые направлялись в крепость Ковно. Очевидец парада В.Н. Звезгинцев вспоминает: «Раздалась команда. Под звуки полковых маршей генерал-от-кавалерии фон Ренненкампф обходил строй, здоровался с полками и благодарил их за боевую работу. По окончании молебна перед строем были вызваны представленные к Георгиевским крестам и медалям Кавалергарды и Конногвардейцы и командующий армией Именем Государя Императора роздал первые боевые награды. По окончании церемониального марша, полки разошлись по квартирам под звук трубачей и вызванных песенников»⁴⁷.

О пребывании князя Иоанна Константиновича в штабе оставил воспоминания генерал-майор Б.Н. Сергеевский:

«Вспоминая эти дни, нельзя не вспомнить о прикомандировании к штабу его высочества князя Иоанна Константиновича. Он был штабс-ротмистром Л. Гв. Конного полка. Однажды, неожиданно для нас, он прибыл в прикомандирование к штабу. Явившись командиру корпуса, он вошел в нашу комнату. Осмотревшись, он подошел ко мне, как старшему, весьма отчетливо представился уставным рапортом и просил представить его остальным офицерам, что я и сделал. Около месяца он жил среди нас, удивляя нас всех чрезвычайной дисциплинированностью в отношении старших и самыми простыми и сердечными отношениями с младшими. Мне приходилось видеть, как в часы досуга он мальчишески возился с лихими корнетами, адъютантами командира корпуса, которые, не стесняясь, боролись с ним.

Служебных познаний у него было немного, но усердие по службе огромное, и он всегда старался кому-нибудь помочь в его работе. Будучи человеком религиозным, он немедленно организовал в штабе церковный хор и, пользуясь наличием в Рыгловке церкви и священника, организовал говение желавших чинов штаба. 8 сентября большая часть офицеров, во главе с командиром корпуса, была за обедней и причастилась, что весьма отвечало настроению после первых боев. Сам Иоанн Константинович служил за дьячка»⁴⁸.

Позже он же вспоминал об обстановке в штабе перед началом сражений в Августовских лесах:

«Это был первый приказ «на бой» всего корпуса. Наши начальники, по-видимому, не знали, как технически осуществить это дело.

⁴⁴ Пахалюк К. Романовы в сражениях в Восточной Пруссии в 1914 г. // Рейтар. – 2009. – № 3. – С. 180–191.

⁴⁵ Пахалюк К. Романовы в сражениях в Восточной Пруссии в 1914 г. // Рейтар. – 2009. – № 3. – С. 180–191.

⁴⁶ Пахалюк К. Романовы в сражениях в Восточной Пруссии в 1914 г. // Рейтар. – 2009. – № 3. – С. 180–191.

⁴⁷ Пахалюк К. Романовы в сражениях в Восточной Пруссии в 1914 г. // Рейтар. – 2009. – № 3. – С. 180–191.

⁴⁸ Сергеевский Б.Н. Пережитое. 1914. – Белград, 1933. – С. 67.

Все офицеры штаба, начиная с меня и Земцова и кончая адъютантами командира корпуса, всего числом около 15, были собраны в классе имевшейся в монастыре школы и расселись по партам. Были принесены свечи, которые мы приклеили к партам. Затем пришли командир корпуса и начальник штаба и, заняв место преподавателя, начали обсуждать текст будущего приказа и сейчас же диктовать его по пунктам офицерам штаба, которым были розданы листы бумаги.

Дело подвигалось вперед медленно. Генералы спорили и о сущности приказа, и о редакции отдельных его фраз. Приказ составлялся трафаретно, по пунктам уставной формы, но не установив заранее его общего содержания. Поэтому все время приходилось зачеркивать написанное и вносить поправки. При этом командир корпуса волновался, весьма раздражался, говорил неприятности начальнику штаба, который старался вообще молчать. Всю тягость этого двухчасового «урока» еще усугубляли вопросы и переспросы некоторых офицеров, совершенно незнакомых с техникой, а также не понимавших, не видя карты, диктуемых им географических названий. Особенно много вопросов задавал князь Иоанн Константинович, также посаженный за работу.

Содержание этого удивительного приказа я уже не помню»⁴⁹.

Как только было получено известие о ранении князя Олега Константиновича, Иоанн Константинович покинул штаб и был командирован в Вильну к раненному:

«Получено было известие о смертельном ранении князя Олега Константиновича и распоряжение о немедленном командировании Иоанна Константиновича в Вильну. За последним обедом, когда автомобиль уже ждал князя, генерал Б. несколькими теплыми словами отметил службу его высочества в нашем штабе. Иоанн Константинович ответил весьма сердечной речью, назвал генерала Б. своим вторым отцом и, прощаясь, поцеловал у него руку. Мы все с грустью расстались с князем: он был простым и сердечным человеком и прекрасным товарищем»⁵⁰.

Предваряя свой приезд в Вильно, князь послал брату телеграмму:

«В Вильну Витебская Община Князю Олегу Константиновичу

29 сентября 1914 г.

От всей души поздравляю дорогого Георгиевского кавалера. Бесконечно горд за обоих. Зенченко и Обраменко поздравляют. Хранит Тебя Казанская Богоматерь.

Иоанн»⁵¹.

Интересно, что, будучи глубоко религиозным человеком, Иоанн Константинович подарил солдатам 29-го Сибирского стрелкового полка икону Спаса Нерукотворного, что было отражено в приказе по полку:

«Приказ по 229 Сибирскому Стрелковому полку № 44710. XI. 16 г. по действующей армии по строевой части.

В воспоминание об Августовских боях, когда ныне вверенный мне 29 Сибирский стрелковый полк как львы дрались с врагом бок о бок с гвардейскими частями, благороднейший участник этих лихих дел, Его Высочество кн. Иоанн Константинович соизволил осчастливить полк своим вечным, незыблемым, нерушимым благословением в виде Святого Образа Нерукотворенного Спаса при собственноручной записке: «29 Сибирск. стрелк. полку в молитвенную память. Иоанн».

⁴⁹ *Сергеевский Б.Н.* Пережитое. 1914. – Белград, 1933. – С. 71.

⁵⁰ *Сергеевский Б.Н.* Пережитое. 1914. – Белград, 1933. – С. 99.

⁵¹ Иоанн Константинович, кн. Письмо брату Олегу Константиновичу, 29 сентября 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2007. – [Т. XV]. – С. 455.

Благодарственный молебен о здравии Его Высочества кн. И.К. отслужен и послана телеграмма: «Помолившись Господу Богу о даровании Вашему Высочеству здравия и всякого благополучия, вверенный мне полк благодарит В.В. за оказанную честь. Молитвенная память полка, пока он будет жив, здоров, будет свято чтиться верноподданнейшими стрелками-сибиряками о Вашем Высочестве.

Командир 29 С.с.п. полковник Басов, Полковой адъютант шт. – кап. Осипов»⁵².

После возвращения с похорон брата князь Иоанн продолжает служить в штабе 2-й дивизии. В 1915 г. умирает его отец великий князь Константин Константинович, и князь Иоанн становится владельцем Мраморного дворца и Павловска. В 1916 г. его производят в штабс-ротмистры. В этом звании князь продолжает нести службу до Февральской революции. В годы большевистского террора бессудно расстрелян в Алапаевске⁵³.

Гавриил Константинович

Гавриил Константинович единственный из 5 братьев, ушедших на войну, выжил и даже оставил мемуары. Эта глава преимущественно основана на воспоминаниях самого князя⁵⁴.

10 июля Гавриил Константинович принял участие в Высочайшем смотре в Красном Селе на Военном поле. Слухи о грядущей войне крепили, сразу после смотра состоялось экстренное заседание Совета Министров. Гавриил Константинович отнёсся к слухам с недоверием и даже согласился на приглашение великого князя Дмитрия Павловича открыть вместе с ним 2-ю Российскую Олимпиаду. Однако уже 17 июля в полку была получена телеграмма о мобилизации. В своих воспоминаниях князь пишет:

«Я был счастлив, что иду на войну: это всегда было мечтой моей жизни».

20 июля Гавриил вместе с братьями Олегом, Игорем получил повестку явиться на молебен в Зимний дворец. На молебне помимо императорской четы и братьев присутствовали великие князья Николай Николаевич и Борис Владимирович и великие княгини Мария Павловна Старшая, Елена Владимировна и Елена Петровна, жена князя Иоанна Константиновича. Церемония прошла следующим образом:

«В Зимнем дворце всё семейство собралось, как всегда, в комнатах государя и государыни. Николай Николаевич сидел в кресле в комнате рядом с Малахитовой гостиной. Он только что был назначен Верховным главнокомандующим и был возбуждён. Мы прошли в Николаевский зал за государем и государыней. Зал был полон главным образом офицерами. Был отслужен молебен, по окончании которого государь громким и ясным голосом объявил о начале войны. В своей замечательной речи он сказал, что благословляет любимые им войска гвардии и Петербургского военного округа и что он не заключит мира, пока хоть один вражеский солдат останется на русской земле.

Когда государь сказал, что он благословляет гвардию, Николай Николаевич опустился на одно колено и весь зал за ним. Жена Иоанчика, Елена Петровна, бросилась к государю и поцеловала ему руку за то, что он выступил на спасение Сербии.

⁵² Пахалюк К. Романовы в сражениях в Восточной Пруссии в 1914 г. // Рейтар. – 2009. – № 3. – С. 180–191.

⁵³ В ночь с 17 на 18 июля 1918 года, на следующий день после расстрела в Екатеринбурге Царской Семьи в Алапаевске были замучены великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович, князь императорской крови Иоанн Константинович, князь императорской крови Константин Константинович Младший, князь императорской крови Игорь Константинович, князь Владимир Павлович Палей (сын великого князя Павла Александровича от его морганатического брака с Ольгой Пистолькорс), Фёдор Семёнович (Михайлович) Ремез, управляющий делами великого князя Сергея Михайловича, сестра Марфо-Мариинской обители Варвара (Яковлева), келейница Елизаветы Фёдоровны. Все они были сброшены в шахту и забросаны гранатами. Только Сергей Михайлович, оказавший сопротивление, был застрелен.

⁵⁴ Мемуары «В Мраморном дворце» впервые были напечатаны в 1955 г. в издательстве имени Чехова в Нью-Йорке. Издательство «Захаров» дважды переиздавало их. См. Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном Дворце: Воспоминания. – 2-е изд. – М.: Захаров, 2005.

Государь пошёл в залы, выходившие на Дворцовую площадь, и вышел на балкон. При виде государя и государыни вся огромная толпа, запрудившая Дворцовую площадь, опустилась на колени.

Николай Николаевич, проходя мимо лейб-казацкого караула, взялся за свою казачью пашку и сказал казакам, что в продолжение войны он всегда будет её носить».

После князя отправились в Петропавловскую крепость, чтобы «...помолиться у могил наших предков и попросить их помочь нам быть их достойными на поле брани».

В Мраморном дворце они попрощались с «дяденькой» великим князем Дмитрием Константиновичем, а на следующий день причастились и простились с великим князем Павлом Александровичем.

Заключительной церемонией перед уходом на войну был полковой молебен:

«Накануне ухода на войну в полку был молебен на Софийском плацу днём, после обеда. Полк в этот день представлял из себя необычную картину: наши серые лошади были выкрашены в зелёный цвет, чтобы быть менее заметными, моя Ольнара с удивлением осматривала себя, поворачивая голову, и, видимо, боялась самой себя. Полк выстроился в конном строю. Посреди каре стоял аналой и духовенство. Первый взвод 4-го эскадрона был назначен для приёма штандарта под моей командой. Я поехал во главе взвода к дому командира полка и выстроил взвод развёрнутым фронтом перед командирским подъездом. Мне не впервые было везти штандарт к полку, но тот день был особенный, полк уходил на войну, и я чувствовал это и сильно переживал. Приняв штандарт, я повёз его на Софийский плац. Не доезжая до полка, я снова построил фронт взвода и, согласно уставу, скомандовал «шашки вон!». Раздались звуки полкового марша. Полк встречал свою святыню, штандарт – эмблему верности престолу и отечеству. Как я счастлив, что мне пришлось подвозить штандарт к полку в этот незабвенный день!

На молебен приехал Верховный главнокомандующий Николай Николаевич, в качестве старого командира нашего полка. Ему подвели командирскую лошадь, ту самую, которую он только что купил у кронпринца. Я думаю, что если бы Николай Николаевич это знал, он был бы очень недоволен: когда была объявлена война, он приказал сжечь свою форму прусского гусарского полка, шефом которого он состоял».

23 июля полк выступил на войну. К 25 июля последний эшелон прибыл на станцию Пильвишки, и полк расположился на бивак. 26 июля в 6 часов вечера все эскадроны выступили в направлении на Пильвишки, где находился штаб 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии. Оттуда полки вместе с артиллерией ночным переходом двинулись на фольварк Романишки. Пошёл дождь, и гвардейцы впервые почувствовали тяготы походной жизни:

«Часам к 10 вечера начал накрапывать дождик; глинистая почва дороги обратилась в какую-то жижу, что очень затрудняло движение повозок. К 12 часам ночи наша дивизия сделала переход в двадцать вёрст и подошла к фольварку Романишки. Наш полк расположился в поле на южной стороне дороги, тогда как на северной встали лейб-драгуны. К этому времени дождь усилился.

К большой скирде подъехал наш офицерский походный буфет под названием «Филька», вокруг которого чёрными силуэтами засновали офицеры. Разводить костры было строго запрещено, и мы находились всё время в полной темноте. Все спали не раздеваясь, зарывшись в скирде.

Не могу сказать, что ночёвка была приятна. На мне были мои новые «личные» сапоги, красивые на вид, но – увы! – они промокли. Как только стало возможно, я сменил их на старые, сделанные в Гвардейском экономическом обществе. Они были некрасивы, но зато не промокали. Как только стало возможно, я сменил на старые, сделанные в Гвардейском экономическом обществе. Они были некрасивы, но зато не промокали».

27 июля дивизия продвинулась к русско-германской границе в районе г. Владиславова. Ожидался бой за пограничный немецкий городок Ширвиндт, в котором, по слухам, находился пехотный батальон противника и была организована оборона моста через пограничную реку Шешупу. Однако через несколько часов ожидания выяснилось, что ландвер, занимавший город, отступил из-за обхода с фланга уланами. Гусары получили приказ войти в опустевший город. Итак, полк перешёл границу и вступил на немецкую территорию.

Первым боевым заданием князя Гавриила Константиновича как заведующего разведчиками 4-го эскадрона (уточнить), стало патрулирование сектора окрестностей г. Ширвиндта в течение двух суток. Врага поблизости не оказалось, а местные жители охотно пускали русских гусар на постой. Хозяйка одного из хуторов долго не могла поверить, что молодой русский офицер – племянник герцога Саксен-Альтенбургского и троюродный брат германской крон-принцессы Цецилии. Случился и курьёз – пожилой крестьянин, увидев разъезд, расплакался: он решил, что русские подожгут его дом.

1 августа Ширвиндт и Владиславов подверглись сильному артиллерийскому обстрелу со стороны немцев. Полку было приказано занять позицию на правом фланге и ожидать дальнейших распоряжений в случае необходимости отражения неприятельской атаки. Началась дуэль между русскими и немецкими артиллеристами, и вскоре поступило донесение, что противник отступил от Ширвиндта.

6 августа произошёл Каушенский бой, в котором Гавриилу Константиновичу не удалось принять участие, – 4-й эскадрон был назначен охранять обоз.

Через несколько дней гусары заняли г. Рессель, где встретились с уланами его величества.

13 августа, произошёл бой, в котором князю пришлось принять на себя командование эскадроном:

«Вспоминаю, как мы 13 августа подходили к крепости Тапиау. Мы захватили с налёту укрепленный лес и определили, что правый берег Деймы сильно укреплен и занят пехотой противника. Держали позицию до прихода пехоты. С темнотой полк отошёл в направлении Велау. Дело было так: 4-й эскадрон подходил к лесу по полю, справа от нас шло шоссе, обсаженное деревьями, перед нами небольшой лес, за лесом – спуск к реке, через неё – мост. Совершенно неожиданно нас начали обстреливать с опушки леса. Мы сразу же повернули и полным ходом стали уходить. Наконец, мы остановились, спешили и рассыпались в цепь. В это время я остался командовать эскадроном, потому что ротмистр Раевский уехал за приказаниями. Мы начали наступать на лес. Не помню, стреляли ли в это время или нет. Брат Игорь был со мной, но затем почему-то надо было отступать. Чтобы гусары не подумали, что мы отступаем, брат Игорь и я за ним начали кричать: «Заманивай! Заманивай!» – вспомнив, что так делал Суворов, чтобы подбодрить свои войска. И это подействовало. Мы снова двинулись вперёд. На опушке леса оказались свежие окопы, оставленные неприятелем. Видимо, противник отступил к Тапиау».

В 20-х числах августа дивизия была отведена на отдых. 28 августа 4-й эскадрон был послан из деревни Марценшики на разведку на юг, в направлении озёр, около Орловен. Так для князя Гавриила началось сражение у Нейдзальского леса.

«Не доходя до Нейдзальского леса, из эскадрона были высланы всеором через лес и в обход его шесть разъездов: три офицерских и три унтер-офицерских. Ядро эскадрона втянулось в лес и, дойдя до озёр с дачным посёлком и охотничьим домиком, остановились уже в сумерках.

У опушки леса разъезд, которым я командовал, увидел на дороге трёх немецких улан. Я дал знак стрелять. Двое упало, третий удрал. Одного из упавших мы нашли. Мне стало как-то жаль убитого, и я его перекрестил.

Когда мы вернулись к эскадрону, я застал наших офицеров в очень тревожном настроении: выяснилось, что лес, в котором мы находились, был окружён наступающими немецкими войсками. По всем дорогам через лес, а также восточнее и западнее его, двигались на северо-

восток германские колонны пехоты, кавалерии и артиллерии, обходившие эскадрон, который таким образом оказывался в мешке. Свободным был только пройденный уже путь на Гольдап, до Орловен оставалось ещё вёрст десять – пятнадцать.

Положение создавалось тяжёлое».

Однополчанин князя, поручик С.Т. Рооп вспоминал:

«Теперь только нам точно известно местонахождение обходивших неприятельских частей, а тогда эскадрон видел только ближайшее окружение себя противником и знал только, что свободный для него обратный путь – лишь уже пройденный им. О движении противника было послано донесение в штаб 2-й кавалерийской дивизии в деревне Соколькен, где предполагался согласно приказа по дивизии ночлег. Донесение отправлено было с тремя гусарами, в том числе и вольноопределяющимся Эрдели. Эскадрон же остался в лесу для дальнейшего наблюдения. Часа через три появился Эрдели пешком и доложил, что из деревни, вероятно Соколькен, в которой должен был находиться штаб дивизии, посланные с донесением были обстреляны противником, причём оба ехавших с ним гусара и их лошади, так же как и его, Эрдели, лошадь, были убиты; но старший успел передать ему донесение. Не имея возможности пробраться через занятую уже противником местность, он пешком вернулся к эскадрону...

Решено было не задерживаться более и отходить, укрываясь лесами, в направлении на Гольдап. Когда в полной темноте подошли к северной опушке леса, слышали впереди в направлении Гольдапа сильную артиллерийскую и ружейную стрельбу. Ночь была туманная, сырая, мгла не давала видеть вдаль. Продолжать движение в тумане, когда неизвестно, где противник и где свои, рискованно: попадёшь под обстрел противника и своих. Решили простоять в лесу до рассвета, если туман ранее не рассеется.

Вошли вновь немного в лес, выставили ближайшее охранение, и эскадрон, не рассёдывая, стал ждать, держа коней в поводу...

Когда 29 августа (заря только что начала заниматься) штаб-ротмистр Волков вышел на опушку леса на холм, он увидел невдалеке нескольких людей, одетых как будто в русские шинели. Посланный унтер-офицер доложил, что это разведывательный эскадрон 3-го гусарского Елизаветградского полка со своим командиром штаб-ротмистром Небо. Подойдя к Небо, Волков узнал от него, что он только что наблюдал, как в лесу, где скрывался 4-й эскадрон, с западной его опушки втягивалась неприятельская пехотная колонна с артиллерией; узнали от Небо также, что в Гольдапе находится конный отряд генерала Хана-Нахичеванского (что было неверно, так как ночью Гольдап был занят 8-й герм. кав. дивизией). Остаться дальше в лесу не представлялось возможным. Решено было уходить на Гольдап...

Сняв посты, эскадрон, вытянувшись из леса, взял направление на Гольдап (вспомнив, что, по сведениям, данным Небо, он был занят отрядом генерала Хана-Нахичеванского) и, поднявшись на хребет между двумя железными дорогами, перед спуском в долину, по другой стороне которой на командных высотах находился Гольдап, увидели, что над Гольдапом рвутся шрапнели. Одновременно сбоку влево – увидели сильную пыль от кавалерийской колонны не менее полка, на рысях шедшей наперерез 4-му эскадрону, и вскоре различили, что с кавалерийской колонной идёт и батарея. Как теперь известно (по дневникам от 29 августа германских полков), это был 8-й Германский уланский полк с батареей 52-го артиллерийского полка и пулемётной ротой, продвигавшиеся с ночлега на Гольдап.

Ротмистр Раевский повёл эскадрон на рысях в сторону Гольдапа, выслав в разные стороны четыре разъезда. Все разъезды донесли о присутствии противника, и почти сразу же эскадрон попал под обстрел справа неприятельских пулемётов. Произошло замешательство.

На что решиться? Сзади лес, занятый неприятельской пехотой с артиллерией: было видно, как батарея занимала уже позиции на опушке леса. Справа, в направлении на Гольдап, пулемётный огонь. Слева – заскакивающая наперерез кавалерия (не менее полка). Оставалось

направление на северо-запад, но впереди болото, и в этом же направлении быстро движется кавалерийская неприятельская колонна.

Единственная надежда – это проскочить через оставшийся не занятым ещё противником коридор, но сильно болотистый и с широкими, обрывистыми осушительными каналами; и если идущая наперерез колонна успеет перерезать путь, то пробиваться через неё.

Штаб-ротмистр Волков скомандовал: «За мной!» – и повёл эскадрон вдоль ручья в обход западного холма, чтобы прикрыться от пулемётного огня к посёлку между Клессуовен и Гольдапом. С севера и юга посёлка – болото. Южное – лугового вида с озерцами и каналами, а к северу от посёлка – покрытое зарослями кустарника. Обогнув холм вдоль ручья, дорога поворачивала на запад к задам посёлка через узенький мост и терялась в болотистом лугу, пересечённом каналами и ямами. Подошли к болоту – единственный выход из мешка! В то время как эскадрон подходил к мостику, неприятельская батарея (очевидно, 4 орудия) с открытой позиции на холме открыла по эскадрону огонь.

Штаб-ротмистр Волков скомандовал: «Эскадрон за мной, врозь!» Эскадрон прошёл прямо вдоль посёлка по топкому лугу. Взводы рассыпались по топи, стремясь к заманчивым холмикам, казавшимся и только казавшимся сухими. Часть взводов свернула за ротмистром Раевским по просёлочной дороге в посёлок, а остальные продолжали идти в северо-западном направлении под огнём батареи.

Снаряды, попадая в болото, рвались плохо. Появились всё-таки раненые. Эскадрон под непрерывным обстрелом артиллерии и звуки шлепающих в болото снарядов ещё продвигается вперёд, идти можно только шагом: болото по брюхо коням. Гусары часто получают души от недолётов и перелётов снарядов, зарывающихся в болото. Лошади и люди после большого перехода и бессонной ночи ослабли, ослабли и подпруги, и многие сёдла переворачиваются под брюхо коней. Шинели промокли, затрудняют движение спешенным гусарам, потерявшим лошадей, завязших и зятянутых болотом.

Стакан снаряда попадает в круп (оторван левый круп) кобылы Аллы штаб-ротмистра Волкова. Оба падают. Кобыла медленно затягивается болотом... К штаб-ротмистру Волкову добирается его вестовой гусар Ковалёв, берёт его к себе на коня, и вдвоём на одном коне они продолжают бороться с топью. Лошади ротмистра Раевского и поручика Тиран убиты также целыми, неразорвавшимися снарядами.

Подходя к осушительным каналам, кони, бредущие по брюхо в вязком болоте, не могут перескочить с шагу и с места широкие канавы, обрываются, падают на топкое вязкое дно и не в силах подняться остаются лежать, постепенно затягиваются топью и исчезают... Обесконенные гусары ползут по болоту, некоторых больше не видно на поверхности... Батарея продолжает обсыпать снарядами луг и посёлок, но потери от огня незначительны: снаряды зарываются в топи. Шрапнельной пулей ранен в спину гусар Макаров, которому штаб-ротмистр Волков делает перевязку, предварительно вылив в рану флакончик йоду.

Часть гусар вместе с корнетом Кисловским стала выбираться за деревню на сухие, как казалось, места, но там они ещё более завязали. Конь Добрый Кисловского ловко шёл по болоту и выбирался сравнительно легко, но, ошеломлённый непрерывными перелётами и недолётами снарядов у самых почти ног, запнулся; корнет Кисловский с седлом сполз ему случайно под брюхо и, не будучи в состоянии выправить седло, так как сам увяз в болоте, повёл его в поводу, ища твёрдой почвы, но её не оказалось; кусты, к которым он пробирался, скрывали ещё большую топь. Впереди оказалась канава, переходя которую, корнет Кисловский завяз по пояс. Пришлось бросить коня и выбираться самому, что и удалось не без большого труда. Конь, сделав несколько усилий, погряз по горло...

Рядом с корнетом Кисловским ранен гусар Марьин, – снаряд попал в лошадь, а осколок в ляжку гусара. Кисловский помог ему выбраться на сухое место, но так как перевязочных средств не было (они остались на седле с затонувшим конём), то Кисловский довёл Марьина

до дороги и велел идти в деревню, а сам стал собирать пеших гусар. По пути из болота корнета Кисловского нагнал унтер-офицер Пономарёв и хотел дать ему свою лошадь, но Кисловский отказался и пошёл дальше пешком.

Князь Игорь Константинович после команды «Врозь» – остановился и стал пропускать всех людей взвода вперёд и, пропустив последнего, двинулся направо от посёлка, вдоль канавы. Ротмистр Раевский шёл в это время по дороге на посёлок.

Князь Гавриил Константинович, желая выйти на дорогу, хотел перепрыгнуть канаву, но его конь стал вязнуть и взять канаву не мог. Его высочество слез с коня и перетащил своего Парнеля через канаву. Когда князь уже подъезжал к домам посёлка, почти выбравшись из болота, ехавший сзади него вольноопределяющийся Эрдели доложил ему, что Игорь Константинович остался позади один, пеший перед канавой и перейти её, видимо, не может. Гавриил Константинович со своим вестовым Манчуком и Эрдели повернули назад, чтобы помочь Игорю Константиновичу. Близкий разрыв шрапнели заставил их лошадей инстинктивно рвануться назад, но, овладев ими, они вновь кинулись к князю Игорю Константиновичу, который совершенно один ходил по ту сторону канавы, держа свою лошадь в поводу и не зная, как перейти канаву.

В этот момент влево от них появился шедший рысью прусский уланский разъезд. Расстояние до разъезда было так невелико, что ясно можно было различить бело-чёрные флюгера на пиках. Князь Гавриил Константинович стал кричать брату, чтобы тот скорее переходил канаву, иначе их всех заберут в плен. Игорь же Константинович вместо того, чтобы попробовать перейти канаву, хотел обогнуть её слева, чтобы выбраться на дорогу, но стал увязать и медленно погружаться в топь вместе со своей любимой рыжей лошадью...

Когда, наконец, с невероятными трудностями и опасностью добрались до князя Игоря Константиновича, он был затянут в болото уже до самого подбородка, торчали над топью только голова и поднятые руки... Лошади уже не было видно... Когда голова его любимой лошади начала окончательно опускаться в болото, его высочество перекрестил её...

Наконец, выбрались на более или менее твёрдую почву. По счастью, германский разъезд исчез. Вероятно, увидев, что эскадрон увязает в болоте, немцы решились идти дальше.

Гусар Кертович дал князю Игорю Константиновичу своего коня, а тот посадил Кертовича к себе на переднюю луку. Князь Гавриил Константинович также взял к себе на переднюю луку безлошадного гусара Рябых. И, таким образом, двинулись к посёлку.

Когда мы добрались до домов, то эскадрона не было видно. Стали собирать отдельных потерявших в болоте своих коней гусар и, собрав человек 10–15, в том числе и нескольких гусар из разъезда 6-го эскадрона, взяли направление на предполагаемое местоположение наших войск. По дороге из посёлка были опять обстреляны. Вскоре увидели всадника, оказавшегося казаком. На душе сразу стало легче: казак мирно ехал по дороге, следовательно не так уже далеко и свои. Дальше вышли на свою пехоту, оказавшуюся одним из полков 29-й пех. див. 2-го армейского корпуса. В полку всех весьма радушно приняли и накормили».

Потери при выходе из окружения составили 2 человека убитыми, 7 пропавшими без вести, 5 ранеными и 37 коней убитыми или утонувшими в болоте.

На следующий день эскадрон двинулся на соединение с полком. Начался отход русских войск из Восточной Пруссии к государственной границе. 31 августа прошли через Тракенен и Гумбинен. В Тракенене, известном прусском конном заводе, Гавриил Константинович выбрал себе двух новых лошадей, к большому неудовольствию немецких служащих. Отступление продолжалось:

«Вокруг нас и вместе с нами шли отступавшие войска. Мы устали, но усталость как-то мало чувствовалась. Уже совсем стемнело, кругом пылали пожары. Мы встретились с каким-то офицером, товарищем Раевского. Он предложил Раевскому поджигать немецкие дома. Раевский приказал мне поджечь находившийся неподалёку от нас дом, но я отказался исполнить

это нелепое и жестокое приказание, считая его бесчеловечным. По счастью, Раевский не настаивал».

За Вержлобиным 4-й эскадрон наконец соединился с основными силами полка. Однако вместо ожидаемого отдыха, Гавриилу Константиновичу было приказано отправиться в сторожевое охранение и наладить связь с лейб-драгунами. На следующий день отступление продолжилось.

Дивизия двигалась на юг, вдоль государственной границы, по направлению к озеру Выштынец. В авангарде двигались лейб-драгуны, в арьергарде – уланы её величества. Гусарский полк шёл посередине. Наконец, после долгого перехода, в Шильвишках, солдаты получили возможность передохнуть.

В десятых числах сентября началось новое наступление, а к 20-му русские войска, беспрерывно сражаясь, подошли вновь к германской границе.

23 сентября был отбит у противника Ширвиндт. 26 сентября полк выступил по направлению к Дайнену, чтобы заткнуть дыру в фронте, между Стрелковой бригадой и 56-й дивизией.

27 сентября был ранен князь Олег Константинович. Гавриил и Игорь Константиновичи немедленно прискакали на помощь к брату:

«Когда началась стрельба, ротмистр Раевский послал меня со взводом вправо от дороги, по которой мы шли. Я спешил взвод у какой-то изгороди и открыл стрельбу по противнику. После этого я прискакал на хутор, возле которого Олег лежал на животе на земле. Я дал ему образок. Олег страдал, и я подал ему яблоко, которое он стал грызть от боли. Я оставался с ним очень недолго, потому что мне надо было вернуться в эскадрон. Я был ужасно расстроен... Игорь оставался при Олеге. Это было моим последним свиданием с Олегом».

29-го князь Олег Константинович скончался в госпитали в Вильне. 2 октября происходило отпевание, на котором присутствовал и Гавриил Константинович. Затем он вместе с похоронной процессией на поезде проследовал в Осташёво, чтобы присутствовать на похоронах брата.

В конце октября отпуск закончился, и князь вернулся в полк, который был отведён на отдых в Ставку Верховного главнокомандующего, в Барановичи, где он нёс охранную службу. Гавриил и Игорь представились главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу и его брату Петру Николаевичу, с которым они тесно общались на протяжении всего пребывания в Барановичах.

Вскоре братьев ждал приятный сюрприз:

«Мы с Игорем получили приглашение к высочайшему обеду в царском поезде. В назначенное время мы пришли в салон-вагон, бывший рядом с вагоном-столовой. Я предполагал, что Игорю и мне государь что-нибудь пожалует, и решил, что в таком случае я поцелую в благодарность государя в плечо, как это делали при Александре II. Государь принял меня в отделении своего вагона, служившего ему кабинетом. Он вручил мне Георгиевский темляк и маленький Георгиевский крестик на эфес шашки, а также орден св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Этот орден и теперь у меня. Вручая мне орден, государь сказал, что даёт мне ордена, которые я заслужил. Как я был счастлив! И я поцеловал государя в плечо.

Когда я вернулся обратно в салон-вагон, Николай Николаевич сам привязал мне Георгиевский темляк к шашке. После меня к государю был вызван Игорь и получил те же награды, что и я».

24 октября император провёл смотр Гусарского полка. Полк построился в пешем строю, в шинелях и без оружия. Это был последний раз, когда князь Гавриил Константинович находился в рядах своего полка. Тяготы полевой жизни подкосили здоровье обоих братьев. Великий князь Николай Николаевич велел им вернуться в Петербург.

К Гавриилу Константиновичу был приставлен личный врач великого князя Петра Николаевича Сергей Михайлович Варавка. Только после разрешения врача, князь мог вернуться

на фронт. По мнению Гавриила Константиновича, «Варавка временами увлекается, не пуская меня в полк».

Вскоре князь получил от доктора письмо, которое счёл «знаменательным». Варавка писал:

«Я только что получил телеграмму от Верховного Главнокомандующего, касательно Вас и Князя Игоря Константиновича и сообщаю Вам её дословно: «О болезни Гавриила и Игоря Константиновичей доложено Государю Императору. Прошу Вас настоять, чтобы серьёзно лечились, понимаю, как им тяжело это, но только здоровыми могут вернуться с пользой в Армию. Николай». Вот весь текст. Опираясь на эти слова, я ещё раз прошу Ваше Высочество направить всё своё внимание на Ваше здоровье, жить пока в деревне, а осень в Крыму (с половины августа), а о зиме мне пока говорить рано – но принципиально решено, что Вы останетесь в Петрограде – неся ту службу, которую Вам укажет Верховный Главнокомандующий – так заботливо относящийся не только к физическому Вашему здоровью, но и к душевному состоянию»⁵⁵.

В вынужденном безделье князь провёл 1915-й и большую часть 1916 года. Осенью в Петрограде открылись подготовительные курсы первой очереди военного времени при Императорской Николаевской военной академии. Гавриил Константинович сразу же поступил на них, надеясь таким образом вернуться в армию. Выпускники курсов могли рассчитывать на службу в Генеральном штабе, такая карьера не подвергала бы здоровье князя таким испытаниям, как служба в полевых войсках. В течении курса, в силу ускоренного производства военного времени, Гавриил получил два следующих чина и в 29 лет стал полковником. В начале 1917 г. в академии проходили экзамены, которые князь сдал 4-м. Сдавшие экзамен ездили представляться императору:

«24 января все окончившие ускоренный курс академии являлись государю в Царском Селе в Александровском дворце. В этот день был страшный мороз. Мы все приехали на царскосельский вокзал на царскую ветку, где нам был подан экстренный поезд. Во дворце мы разместились в двух или трёх залах. Нам пришлось очень долго ждать государя, потому что он принимал французского генерала де Кастельно, который, идя к государю, прошёл мимо нас.

Наконец вышел государь с государыней и великими княжнами. Государь был в черкеске Пластунского батальона, шефом которого он себя назначил во время войны. Государь стал нас обходить и каждому из нас говорил несколько слов. Когда государь кончал говорить со стоящим в передней шеренге, последний делал шаг вправо, а стоявший ему в затылок становился на его место. Когда очередь дошла до меня, я смутился и вперёд не встал, а остался стоять на своём месте, несмотря на то, что начальник академии сделал мне знак. Государь посмотрел на меня, улыбнулся и обратился к следующему. Увы, таким образом государь со мной не поговорил. Мне тем более досадно, что в этот день я видел его в последний раз в жизни».

Через месяц началась Февральская революция. Гавриил Константинович получил возможность обвенчаться с балериной А.Р. Нестеровской, с которой они были тайно помолвлены ещё в 1912 г. Это был неравнородный брак, в который члены императорской династии не могли вступать, не подвергнув себя остракизму и отречению от прав наследования. Однако на неравнородные браки представителей боковых ветвей династии, далёких от престолонаследия, император смотрел сквозь пальцы. Так, в 1911 г. сестра Гавриила Константиновича Татьяна Константиновна вышла замуж за князя Константина Багратиона⁵⁶. Незадолго до революции князю почти удалось получить разрешение на брак, однако его участие в попытке облегчить судьбу Дмитрия Павловича после убийства Распутина рассердило императрицу, и вопрос

⁵⁵ ГАРФ, ф. 657, оп. 1, д. 96.

⁵⁶ Константин Александрович Багратион-Мухранский (1889–1915). Потомок грузинской царской династии. Принял участие в Первой мировой войне, награждён Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия IV степени. Погиб в бою.

повис в воздухе. Революционная пора и отречение Николая II позволили Гавриилу Константиновичу пренебречь династическими нормами. Свадьба состоялась 9 апреля, на ней присутствовали только самые близкие молодожёнам люди. Старшие члены династии, даже любимый дядя князя Гавриила, великий князь Дмитрий Константинович, остался им недоволен.

Вскоре после этого князь отказался от своей идеи о поступлении в Генеральный штаб и вышел в отставку, так как не находил для себя возможным служить в революционной армии. Так закончилась служба князя крови императорской Гавриила Константиновича.

В 1918-м здоровье князя ухудшается, у него начинает развиваться туберкулёз. Он подвергается аресту большевиками и содержится в Доме предварительного заключения вместе с другими членами династии. Только вмешательство жены, которая дошла до Урицкого, требуя освобождения мужа, и помощь М. Горького спасли князя от расстрела. Большевики сочли состояние князя безнадежно тяжёлым и выпустили его из страны. Однако вскоре он выздоровел и скончался лишь в 1955 году во Франции. Г.К. Граф⁵⁷, знавший Гавриила Константиновича в эмиграции так вспоминал о нём:

«Гавриил Константинович был исключительно благородным и моральным человеком. Он был хорошо образован, так как кроме окончания Николаевского кавалерийского училища прошёл курс Военной академии и Императорского Александровского лицея. Характер и здоровье он, скорее, имел слабый. Он был мечтатель и жил в мире прошлого, традициями императорской фамилии и гвардии. Современные события и новый уклад жизни для него были чужды, непонятны и неприятны...

...В среде бывших офицеров гвардии его очень любили, и у него с ними было много общего. Детали форм всех полков, традиции и организацию их он знал до тонкостей... Он был глубоко религиозен. Посещал все церковные службы и несколько раз в год исповедовался и причащался. В церкви на рю-Дарю у него было излюбленное место, где он всегда стоял со своей женой. По внешности он был типичный Романов – красивый, очень высокого роста и хорошо сложен»⁵⁸.

Олег Константинович (1892–1914)

Олег Константинович в 10 лет был записан в Полоцкий кадетский корпус, но занятия посещал в Александровском корпусе, расположенном в Петербурге. Страдая болезнями лёгких, как и все представители ветви Константиновичей, он был вынужден большую часть времени заниматься дома. Князь, как и его отец, увлекался литературой, пробовал себя в поэзии и прозе. С юношеских лет его кумиром был А.С. Пушкин. Увлечение творчеством Пушкина во многом обусловило дальнейшую жизнь Олега Константиновича. Понимая, что слабое здоровье станет преградой для военной службы, князь решил первым из императорской семьи получить гражданское образование. Получив разрешение от Николая II, он поступил в Александровский (Царскосельский) лицей, в котором в своё время учился и А.С. Пушкин. Интересно, что лицей был основан императором Александром I для обучения своих братьев, однако лишь через сто лет представитель дома Романовых стал его воспитанником. В мае 1913 г. Олег Константинович сдал выпускные экзамены, получив за успеваемость серебряную медаль и Пушкинскую медаль за сочинение о Феофане Прокоповиче. Князь успел проявить себя и как учёный-пушкинист. В 1911 г. он опубликовал факсимиле рукописей поэта, хранившихся в Пушкинском

⁵⁷ Георгий Карлович Граф (1885–1966). Офицер российского ВМФ. Принял участие в Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войнах. В эмиграции служил начальником канцелярии и личным секретарём великого князя Кирилла Владимировича, объявившего себя императором. Активный участник политической деятельности эмиграции монархического толка.

⁵⁸ Граф Г.К. На службе Императорскому Дому России. 1917–1941: Воспоминания. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2004. – С. 518.

музее Александровского лицея. Олег Константинович собирался опубликовать все 18 рабочих тетрадей Пушкина, но война помешала его планам. Эта работа не выполнена до сих пор.

После окончания курса лицея Олег Константинович был утверждён в гражданском чине титулярного советника. Также, по распоряжению Николая II он был зачислен корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк.

В июле 1914 г. князь был послан с инспекцией в итальянский город Бари, где в то время возводился православный храм⁵⁹. Окончив свою миссию, он уже 18 июля вернулся домой и сразу же получил известие о мобилизации:

«Только что успел я окончить длинный рассказ о моих действиях в Бари Николаю Николаевичу Ермолинскому, как получил депешу: «Мобилизация. Выезжай немедленно. Игорь». Сразу после этого лёг спать, поел и отправился. Николай Николаевич поехал со мной. Утром 18 явился в полк. Мне сообщили, что в состав полка я не записан и что мне советуют, ввиду слабого здоровья и незнания строевого дела, зачислиться ординарцем в Главную Квартиру. Я пошёл ругаться и даже, кажется, переубедил В.»⁶⁰.

Олег Константинович считал недостойным находиться в тылу ординарцем и стремился в строй. Лишь после долгих хлопот, князю удалось получить разрешение вернуться в полк⁶¹.

«Меня назначили в Штаб полка. Командир сказал: «Я вам официально сообщаю, что вы будете вести дневник полка и будете моим корреспондентом». «Надеюсь, что я у Вас долго не останусь», – отвечал я, на что командир возразил: «Это уж моё дело!» Несмотря на столь определённые обязанности, мне обещали, что если я буду себя хорошо чувствовать, меня назначат опять в строй»⁶².

В своём дневнике князь выразил своё отношение к предстоящему походу:

«Мы, все пять братьев, идём на войну со своими полками. Мне это страшно нравится, так как это показывает, что в трудную минуту Царская Семья держит себя на высоте положения. Пишу и подчёркиваю это, вовсе не желая хвастаться. Мне приятно, мне только радостно, что мы, Константиновичи, все впятером на войне»⁶³.

20 июля Германия объявила войну России. Члены императорской семьи должны были явиться в Зимний дворец на молебен:

«Улицы все были запружены народом, который кричал при нашем проезде «ура!». В Николаевском зале был молебен и прочитан манифест. «Ура» стояло страшное. Я так кричал, что закашлялся. Во время молебна все присутствующие пели «Спаси Господи», а потом «Боже, Царя храни». Когда Государь подъезжал к дворцу, вся толпа стала на колени... Все мы плакали от подъёма чувств»⁶⁴.

После торжественной церемонии императорская чета прощалась с членами династии, уходящими на войну. Как вспоминал князь Гавриил Константинович:

⁵⁹ Подробнее о жизни Олега Константиновича с рождения см. Князь Олег: Репринтное воспроизведение издания 1915 г. / Предисловие и примечания протоиерея Игоря Цветкова. Казань: ТОО «Стар», 1995.

⁶⁰ Князь Олег: Репринтное воспроизведение издания 1915 г. / Предисловие и примечания протоиерея Игоря Цветкова. – Казань: ТОО «Стар», 1995. – С. 169.

⁶¹ Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном Дворце: Воспоминания. – 2-е изд. – М.: Захаров, 2005. – С. 214–215.

⁶² Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном Дворце: Воспоминания. – 2-е изд. – М.: Захаров, 2005. – С. 214–215.

⁶³ Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном Дворце: Воспоминания. – 2-е изд. – М.: Захаров, 2005. – С. 214–215.

⁶⁴ Князь Олег: Репринтное воспроизведение издания 1915 г. / Предисловие и примечания протоиерея Игоря Цветкова. Казань: ТОО «Стар», 1995. – С. 169.

«Государь спросил Олега об его здоровье, усомнившись, может ли он идти на фронт. Олег ответил, что может. Такого человека, как Олег, нельзя было удержать дома, когда его полк уходил на войну. Он был весь порыв и был проникнут чувством долга»⁶⁵.

25 июля полк прибыл на театр военных действий (о действиях гусар в первый период Восточно-Прусской операции см. Гавриил Константинович). Князь исполнял свои обязанности в штабе полка. Сохранились его письма к друзьям и родственникам, написанные в это время.

«...Всё у нас отлично. Все здоровы. Я чувствую себя прекрасно. Стараюсь больше есть и спать, чтобы не тратить сил на пустяки...», «Я очень доволен. Отношения прекрасные. Наступление тоже... Я пишу дневник полка и нахожусь в Штабе, где приходится много работать и бывать под огнём. Но всё же хотелось бы в строй»⁶⁶.

Письмо матери – великой княгине Елизавете Маврикиевне:

«31 июля 1914 г. Дорогая Мам. Вчера писал Папá, а сегодня тебе. Братья просили, чтобы я заведовал нашей корреспонденцией, потому что я свободнее их, так как нахожусь при штабе полка. Ещё не решено, когда меня переведут в 5-й эскадрон. Все совсем здоровы и чувствуют себя хорошо. Когда приедет Николаус? В полку отношения великолепные.

Олег»⁶⁷.

Отцу – великому князю Константину Константиновичу:

«12 августа 1914 г.

Дорогой Пас.

Наконец-то получил письмо от Мама, в котором она пишет о вашем посещении Знаменки. К сожалению, только это письмо короткое. Пожалуйста, напиши мне, как тебе Надя понравилась (понравилась ли тебе Надя)?

Все мы здоровы. Чувствую я себя лично очень хорошо и стараюсь одеваться всё время теплее, чтобы не простудиться. Солдаты едят изумительно хорошо. Мяса для них – вдоволь. Нас, офицеров, кормят значительно хуже, но, несмотря на это, мы почти всегда сыты, т. к. имеем право есть из солдатского котла. Игорь и Гаврюша в 4-м эскадроне, Иоанчик в штабе 1-й дивизии у генерала Кознакова, а я до сих пор ещё торчу при командире полка в его штабе. Пишу «до сих пор», т. к. я уже несколько раз просил, чтобы меня перевели в 5-й эскадрон, но Звягинцев противится. Слава Богу, в полку отношения установились хорошие, к нам очень хорошо относятся. Игоря называют «весёлый человек», Гаврилушку – «Гаврюша», а меня просто Олег или иногда «Кок» (князь Олег Константинович). В штабе полка быть во время похода интереснее, чем в строю, т. к. гораздо больше видишь и всё же больше знаешь (хотя на самом деле мы почти ничего не знаем и не видим дальше своего носа). Во время боя в штабе скучно, т. к. сам не принимаешь деятельного участия; но несмотря на это, в такие минуты летаешь из одного конца в другой за командиром полка. На каждом шагу мы видим множество знакомых офицеров, что очень весело. На 8 и 9 августа меня послали для связи в штаб 1-й дивизии с 3 гусарами. Иоанчик был в диком восторге, что мы вместе, и был замечательно трогательный. Кормил шоколадом (а это теперь редкость) и хлопотал всё время, чтобы мне было хорошо. Иоанчик удивительно спокоен. Сам переносил раненых и не думал падать в обморок. Николаус приехал, Иоанчик его уже видел, а мы пока писали друг другу записки. Мы все страшно загорели, и с наших носов лезет кожа.

⁶⁵ Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном Дворце: Воспоминания. – 2-е изд. – М.: Захаров, 2005. – С. 216.

⁶⁶ Князь Олег: Репринтное воспроизведение издания 1915 г. / Предисловие и примечания протоиерея Игоря Цветкова. – Казань: ТОО «Стар», 1995. – С. 170.

⁶⁷ Молитесь за нас... (письма с фронта князя Олега Константиновича) / вступ. ст., публ. и коммент. Т.А. Лобашковой // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 103–109.

Во время похода часто мы, три гусара, едем вместе рядом и разговариваем.
До свиданья. Храни вас Бог. Обнимаем и целуем всех.
Твой собственный Олежка

P.S. Очень жаль Косточку, который не с нами. Ждём от вас писем, которые идут очень медленно. Обнимаем и целуем.

P.S. Скажи Георгию, что мы его обнимаем за хлопоты по покупке шоколада. Игорь видел Багратиона – он совсем здоров. Верхом ездить приходится очень много.

P.S. Не знаешь ли ты, купил ли барон Менд для нас походную офицерскую кухню, в которой мы очень нуждаемся. Наша кухня плохо нагревается»⁶⁸.

«26, 28 августа 1914 г.

8 часов утра

Дорогой Пас! Сегодня и вчера я уже нахожусь во втором эскадроне у батьки Игнатьева, куда меня зачислили после прибытия маршевого эскадрона под командой Волкова. Офицеры у нас: Игнатьев – командующий эскадроном, Павлов 1-й – на 1-м взводе, Мальцев – на 2-м взводе, я на 3-м взводе и светлейший князь Голицын на 4-м.

Сейчас я сижу на груде кирпичей перед кирпичным заводом. Эскадрон спешен. Погода ясная – стоит чудный осенний день. Только что одна немка угощала нас молоком и хлебом с маслом.

Вчера я получил твою телеграмму, где ты спрашиваешь, ранен ли Раевский и как здоровье Мещерского? Оба они совершенно здоровы, и мы удивляемся, кто в Царском Селе распустил слухи, что Раевский ранен. Если бы что-нибудь случилось, мы конечно бы, сразу сообщили им. Пожалуйста, успокой там всех. Мещерский очень мил, и мы мечтаем с ним встретиться после войны в Осташёве или Латашине. Часто, проезжая через немецкие чудные усадьбы, мы вспоминаем – он своё Латашино, а мы с Игорем – Осташево. Так нам и не удалось посмотреть, как там цветут розы. Но на будущий год они должны цвести ещё лучше.

В полку были все очень тронуты присылкой шоколада. Ты себе представить не можешь, как он необходим в походе и как он питателен. Когда нет шоколада – у всех кислые лица, и офицеры делятся своими последними кусочками. Вас просили очень благодарить за шоколад. Также страдаем мы без папирос, а когда их совсем нет, то курим трубку.

Игорь и я часто возим в карманах сахар и грызём его на ходу. Теперь нас кормят хорошо – приехали лишние люди в офицерское собрание. За завтраком (когда он бывает) и за ужином стоит страшный гвалт. Все летят искать тарелку, нож, вилку. Приходится часто есть стоя, т. к. стульев не хватает. Гаврюша, Игорь и я друг друга выручаем, приносим друг другу суп, какао и т. д. Часто мы спим все троём рядом; в этих случаях мы подолгу разговариваем и мешаем друг другу спать. Большая бывает радость, когда приезжает Николаус, которого Ренненкампф гоняет с разными поручениями. Мы абсолютно ничего не знаем, что делает Костя. Он писал, что приехал в Варшаву, а потом? Елена, наконец, приехала, но мы её не видели.

Вот ещё подробность. Только что я закуривал, а спичку просил у унтер-офицера, которому обещал за это папиросу. В последней телеграмме ты писал, что беспокоишься без известий. Дело в том, что часто телеграммы и письма не доходят и я даже не уверен, дойдёт ли до тебя это письмо, часто мы получаем телеграммы на имя Иоанчика, Дмитрия, даже на имя Кирилла и не имеем случая их отправить. Часто мы так устаём и нам так много дела, что совершенно не в состоянии писать. Несмотря на это, мы стараемся при каждом удобном случае

⁶⁸ Молитесь за нас... (письма с фронта князя Олега Константиновича) / вступ. ст., публ. и коммент. Т.А. Лобашковой // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 103–109.

написать вам телеграмму. Письма и телеграммы привозят иногда грузовики, которые ездят за припасами, иногда офицеры или ординарцы и штаба дивизии.

Пишу тебе эти подробности, чтобы тебе дать хоть маленькое представление о том, как мы здесь живём. самого интересного, к сожалению, писать нельзя: место, где мы стоим, что делаем и др. Приходится из всего этого выбирать то, о чём сообщать можно. Третьего дня от нас уехали в Петербург Смецкой – полковник и корнет Кологривов. Мы их просили позвонить вам в Павловск. Наверное, вы пригласите их к завтраку, и они вам всё расскажут.

Вчера от нас уехал поручик Шеншин, у которого умерла мать. Он очень милый – душа нараспашку. Если они почему-то не позвонят в Павловск, то можно узнать всегда у полковых дам все подробности о них.

28 августа.

Вчера и вечером 26-го не имел абсолютно времени продолжать писать. Сейчас узнал, что наш знаменитый Нарцисов – заведующий обозом 2-го разряда – едет в Петербург. (Он – прапорщик.) Об этом мне сказал младший Игнатъев, который умоляет меня просить тебя о том, чтобы устроить возможно скорейшую присылку мотоциклетки для команды связи полка, которой он, Игнатъев, заведует. Эта мотоциклетка страшно нужна. Мой мотор тоже было бы очень хорошо получить, т. к. мы могли бы им пользоваться для подвоза вещей, отвоза писем и даже для связи во время боя. Пожалуйста, устрой, чтобы они приехали вместе, если можно, то под командой Ланге. Игнатъев написал своей матери, чтобы она купила мотоциклтку и, купив её, прислала её в Мраморный. Из Мраморного и мотоциклтку, и мотор, ради Бога, как можно скорее, постарайся выслать на имя Николауса в штаб 1-й армии к Ренненкампу.

Дорогой Пас, мне очень совестно, что приходится всё время приставать с разными просьбами, но это необходимо.

Самое нужное: 1) заказать для меня (надо сказать Андрею или Калину) тулуп для зимы (форменный) на баране или белке. Игорь такой же заказал в Экономке. Тулупы нужны и для Макарова, Римера, Аверина и Кухара.

2) Одеколон.

Пришли, пожалуйста, табаку для наших взводов.

3) Папиросы.

4) Консервы.

5) Шоколад.

Всё это нужно в большом количестве.

6) Бисквиты.

Пожалуйста, устрой это и пришли.

Нарцисову приказано явиться прямо к тебе в Павловск или Петербург.

Всех обнимаем. Целуем. Тебя, Мама, Татьяну, Георгия, Веру и Дяденьку.

Твой Олег

Было бы хорошо прислать табаку для взвода Гаврилки, Игоря и моего»⁶⁹.

«11 сентября 1914 г.

Спасибо за мотоциклтку.

Дорогой мой Пас.

Только что приезжал Николаус и привёз мой автомобиль. Не знаю, как и благодарить вас, наши миссии, за всё, что вы для нас делаете. Вы себе не можете представить, какая радость бывает у нас, когда приходят сюда посылки с тёплыми вещами и разной едой.

⁶⁹ Молитесь за нас... (письма с фронта князя Олега Константиновича) / вступ. ст., публ. и коммент. Т.А. Лобашковой // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 103–109.

Всё моментально делится, потому что каждому стыдно забрать больше, чем другому – офицеры трогательны! К сожалению, только многие забывают, что нас много, и потому какая-нибудь тысяча папирос расхватывается в одну минуту и расходуется очень-очень скоро. Надо посылать, если можно, то много. У солдат нет табаку и папирос, на что они очень часто жалуются: «Вот бы табачку, аль папирос». Мы живём только надеждой, что скоро на нашем фронте немцы побегут – тогда дело пойдёт к концу. Так хочется их разбить в пух и со спокойной совестью вернуться к вам. А иногда к вам очень тянет. Часто, сидя верхом, я вспоминаю вас и думаю, что вот теперь вы ужинаете или ты читаешь газету, или Мама вышивает. Всё это тут же поверяется взводному, который едет рядом. Взводный мечтает в это время о том, что Бог поможет разбить немцев, а потом скоро придёт время, когда и он, наконец, увидит семью. Такие разговоры с солдатами происходят часто. Иногда очень хочется вас увидеть, побыть с вами. Я теперь так сильно чувствую это. И чувствую, и знаю, что вы там далеко вспоминаете нас, стараетесь нам помочь. Это очень нас всех ободряет. Я становлюсь «пипс» и мне стыдно перед товарищами, которые могут заметить, что слёзы у меня навернулись на глаза.

Были дни очень тяжёлые. Одну ночь сплошь мы шли напролёт. Солдаты засыпали на ходу. Я несколько раз совсем валился на бок и просыпался всегда, ко счастью, вовремя.

Самое неприятное – это дождь. Нужны очень бурки, которые больше греют, чем пальто.

Где Костя? Что он? Ничего не знаем. Слыхали и читали у тебя или у Татианы в письме, что его товарищ Аккерман ранен около него. Да хранит его Бог. Все за это время сделались гораздо более набожными, чем раньше. К обедне или ко всенощной ходят все... Церковь полна...

Маленькая подробность – последний раз я ходил в одном и том же белье 14 дней!!! Обоз был далеко, и все офицеры остались без белья, без кухни, без ничего... Варили гусей чуть ли не сами. Я сам зарезал однажды на собрание 20 кур. Это, может быть, противно и гадко, но иначе мы были бы голодны. Никогда в жизни не было у меня такого желания есть, как теперь. Белого хлеба – нет! Иногда и чёрного нет. Сахара очень мало. Иногда чай бывает без сахара. Но на стоянках картина меняется. Тогда мы получаем вдруг шоколад, даже какао и чай, и папиросы, и сахар. Все наедаются, а потом ложатся спать. Часто во время похода ложимся на землю, засыпаем на 5 минут. Вдруг команда «По коням!». Ничего не понимаешь, вскарабкиваешься на несчастную лошадь, которая может быть уже дня три не ела овса, и катишь дальше. Расскажи это Климову, которому мы все кланяемся и часто жалеем, что он не с нами. Скажи ему, что Диана сделала подо мной около 1000 верст по Германии, немного хромота на правую переднюю, т. к. случайно растянула связки пута. Иногда хромота проходит. Ей пришлось прыгать в день по сотне канав и каких канав. Идёт она великолепно, и я всегда сам ставлю её в закрытое помещение. Все наши люди здоровы. Передай это, пожалуйста, их семьям. Макаров, Кухар, Аверин получили письма. Макаров – несколько писем. У меня вестовой – столяр Мраморного дворца, шурин Румянцева, маляра. Вот совпадение! Гаврюша и Мачупан – великолепно действуют, вид у них прекрасный!

Обнимаем вас всех. Спасибо за письма. Милому Георгию спасибо от нас, братьев, за иконы. Молитесь за нас. Да поможет Бог нашим войскам поскорее одержать победу.

Дяденьку и тётю Олю обнимаем.

Твой собственный Олежка»⁷⁰.

«26 сентября 1914 г.

10 часов утра

Дорогие Папа и Мама.

⁷⁰ Молитесь за нас... (письма с фронта князя Олега Константиновича) / вступ. ст., публ. и коммент. Т.А. Лобашковой // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 103–109.

Мы сидим в фольварке в виду Владиславова и слышим артиллерийские и пулемётные выстрелы. Сейчас кричат, чтобы перевозили привезённого пехотного не нашего офицера. Вчера был большой праздник. Получили массу посылок. Шлемы тёти Оли и Татианы, о которых мы мечтали, пришли очень кстати. Пишу плохо, прислонившись к дереву. Кирасир вольноопределяющийся должен сейчас уезжать. Все, и офицеры, и мы, здоровы. Утром морозит. Нужны перчатки (не рукавички) солдатам, и фуфайки, и белье, и табак. Поклоны всем, и Шадевичу, и Гарфельде, и Юдину.

Олег, Гаврилушка, Мачупан^{71»72}.

Между 20 августа и 11 сентября в дневнике князя не было сделано ни одной записи. Возможно, это было связано с тем, что всё свободное время князя отнимало ведение полкового дневника, хотя не исключено, что дневник вёлся в отдельной тетради, которая позже была потеряна. Именно в этот период Олег Константинович получает назначение командующим 3-м взводом 2-го эскадрона Гусарского полка. Сохранилось воспоминание выпускника Полоцкого кадетского корпуса А. Лепёхи, случайно встретившего князя на фронте в эти дни: «Во время трагической гибели армий генералов Самсонова и Ренненкампа я с моим разъездом Новороссийских драгун оказался отрезан от своих частей и, блуждая без карт, как затравленный зверь, пробирался по лесам на восток. Недалеко от г. Гольдапа я встретил лейб-гусарский разъезд в таком же растрёпанном виде, как и мой. Офицер сидел на пегой, обывательского типа лошади. Мы друг другу очень обрадовались. Молодой гусар, миловидный симпатичный корнет, загорелый, запыленный, много дней не мытый, первым делом заявил, что они все страшно голодны. Мой вестовой извлёк из седельного выюка кусок сухого хлеба, обёрнутого в сомнительной чистоты тряпку – вероятно, по обыкновению хранил для меня – и предложил офицеру. Тот отломал кусок, а остальное передал своему вестовому. Пока он с видимым наслаждением грыз этот сухарь, мы делились впечатлениями пережитого и со всеми возможными предосторожностями двигались дальше. Его лошадь была убита, и он воспользовался «обывательской». На моё замечание, что он мог бы взять лошадь у своего вестового или иного разведчика, так как ему, как начальнику разъезда, нужна резервная лошадь, он ответил: «Как я могу отнимать у своих разведчиков самого верного и лучшего друга».

Этот ответ произвёл на меня впечатление, и я проникся глубоким уважением к молодому гусару. Тут же я обратил внимание, что и его подчинённые смотрели на него с какой-то особенной любовью. В его лице и манере говорить было что-то для меня необыкновенно знакомое и близкое, но я не мог припомнить, да и некогда было в этой сложной обстановке предаваться размышлениям.

Вскоре в деревне Ласкендорф мы присоединились к нашей отступающей, сильно потрепанной пехоте. Начальник штаба, куда мы немедленно явились, заинтересовался привезёнными нами данными и стал записывать наши фамилии:

– Князь Олег Константинович, – ответил на вопрос мой спутник.

Я был ошеломлён и сконфужен. Сколько раз видал я его, Князя Императорской крови, – и не узнал.

Отдохнув 2–3 часа и подкормившись, чем Бог послал, мы разъехались, нагоняя каждый свою дивизию»⁷³.

После 11 сентября в дневнике всего несколько записей:

⁷¹ Прозвище князя Игоря Константиновича.

⁷² Молитесь за нас... (письма с фронта князя Олега Константиновича) / вступ. ст., публ. и коммент. Т.А. Лобашковой // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 103–109.

⁷³ Матюшина Э., Говорушко Э. К.Р. (Константин Константинович Романов) (ЖЗЛ). – Молодая гвардия, 2010.

11 сентября: «Утром, в 8 часов, получено было приказание строиться за деревней на поле оставшимся эскадронам ввиду приезда командующего армией. Люди, оставшиеся с больными лошадьми ушедших на разведку эскадронов, тоже выстроены. Вскоре было приказано перевести полк на другую сторону деревни и встать около драгун. Погода стояла хорошая. Между шоссе и Кошанами на поле мы ожидали приезда генерала Ренненкампа. Он поздоровался с полком и поблагодарил нас за усердную работу. После молебна, который был отслужен протоиереем Шавельским, была раздача орденов»⁷⁴. Князь Гавриил Константинович вспоминал: «Когда приезжал генерал Ренненкампа, полк был выстроен в пешем строю, в резервной колонне. Я стоял на 4-м взводе. Ренненкампа приехал в сопровождении князя Белосельского-Белозерского, командовавшего при объявлении войны 1-й бригадой нашей дивизии. Но как только началась война, Ренненкампа прикомандировал его к себе. У Ренненкампа был, как всегда, очень бравый вид. Офицеров он не собирал и отдельно с ними не разговаривал»⁷⁵.

Наступление русских войск в Восточной Пруссии остановилось 11 августа на линии Лабау – Тапиу в 30 верстах от Кёнигсберга. Затем началось отступление на Олитскую позицию, и полк был переведён на левый фланг, с целью задержать продвижение немцев. В десяти числах сентября началось русское контрнаступление, и к 20 августа русские войска вновь подошли к границе.

12 сентября: «Эскадроны его величества в 4 уходят в разведку. В 8 1/2 часов выступаем по шоссе Езно на Вирбилишки. Я ищу еды и белого хлеба в штабе 4-го корпуса. Приехал Николаус (Ермолинский). Жратва: какао, бисквиты, омары и т. д. Вечером пели песенники 2-го эскадрона...»

13 сентября: «...Пришли в Сивиляны в 3 часа. Весь полк в разведке, кроме 2-го эскадрона...»

20 сентября: «Сегодня, 20 сентября 1914 года, обновляю эту книжку, снова увидев немецкую границу».

23 сентября: «...На север от Владиславов, впереди, ночью и утром гремят пушки. Мы отбили Ширвиндт, который сейчас занят нашей стрелковой бригадой. По словам прошедшего только что мимо нас раненого, немцы пытались вчера овладеть Ширвиндтом два раза».

24 сентября: «Идёт бой под злополучным Ширвиндтом... Раух находится с главными силами где-то сзади и копается. Нам нужны ещё пушки... Ночевали сегодня в Жарделе... Наш маршрут: Жарделе, Печиски, Блювы, Гудойце, Раугали, Рудзе, Бойтеле и Атмонишки...»

25 сентября: «Сегодня мы выступили в 8 час. Мороз. Делали рекогносцировку на Радзен. Шёл только один наш полк со взводом артиллерии. Передовые части вошли в город, из которого в это время выехало несколько велосипедистов. Дозорные по собственной инициативе поехали вплотную на велосипедистов. Убиты двое. Совсем непонятно, отчего вся дивизия не принимает участия в этой совсем бестолковой операции».

26 сентября: «Выступили в 8 час. утра. Предположено идти в Данен затыкать дыру, образовавшуюся между Стрелковой бригадой и 56-й дивизией, с целью зайти немцам, сидящим в Шукле, в тыл. Конечно мы знали, что это не будет сделано. Мы сейчас сидим в одном фольварке уже 11 часов, не дойдя ещё до Владиславова. Слышны пулемёты и артиллерийские выстрелы... Стрельба чаще. Пехота отходит. Команда: «К коням!» Нам было приказано прикрывать лавой отходящую пехотную дивизию. Когда подошли лавой, то заняли фольварк. Додик и я на третьем, Голицын на втором, в Кушелев на первом (взводе)»⁷⁶.

⁷⁴ Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном Дворце: Воспоминания. – 2-е изд. – М.: Захаров, 2005. – С. 242–243.

⁷⁵ Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном Дворце: Воспоминания. – 2-е изд. – М.: Захаров, 2005. – С. 242–243.

⁷⁶ Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном Дворце: Воспоминания. – 2-е изд. – М.: Захаров, 2005. – С. 245–246.

Это последняя запись в дневнике.

27 сентября в районе д. Шарвинишки князь Олег был ранен. Обстоятельства этого события приводят в своих воспоминаниях Н.Н. Ермолинский и Г. Гоштовт. Также подробное описание случившегося в письме к матери князя великой княгине Елизавете Маврикиевне приводит взводный унтер-офицер Карлов, из эскадрона, взводом которого командовал Его Высочество в роковой день:

«27-го сентября сего года наш полк шёл в авангарде. Два эскадрона, наш и его Величества шли впереди своего полка, от вышеназванных эскадронов были высланы вправо и влево заставы. Через некоторое время какая-то боковая драгунская застава заметила неприятельский разъезд и начала его обстреливать. Разъезд, спасаясь от драгунской заставы, нечаянно наскочил на наши главные силы авангарда, во главе которого шёл 4 эскадрон. Названный эскадрон открыл по наскочившему неприятельскому разъезду огонь, который повернул в сторону как раз на заставу эскадрона Его Величества, которая была под командой корнета Безобразова. Желая окончательно разбить наскочивший германский разъезд, корнет Безобразов стал просить о помощи, как только об этом услышал Его Высочество князь Олег Константинович, они немедленно стали просить у эскадронного командира графа Игнатьева разрешения участвовать при атаке неприятельского разъезда, ротмистр граф Игнатьев не разрешили им идти, Его Высочеству очень хотелось быть при этом деле, и они выпросились. Его Высочество князь Олег Константинович во главе 3-го взвода пошли преследовать удирающий немецкий разъезд. Мы нанесли неприятелю страшный удар; удирающий разъезд обстреливался; около полверсты я ехал с их Высочеством вместе; так как лошадь их Высочества была гораздо быстрее моей, то я ни в коем случае не мог следовать и остался позади. Первого взвода взводный Попанов с оставшими людьми под командою князя Олега Константиновича, который не от их высочества, с ними вместе ехал эскадрона Его Высочества вольноопределяющийся Бобринский. Взводный Попанов видел, как Их Высочество упали с лошади, подъехал с вольноопределяющимся Бобринским к Его Высочеству, стали поднимать их, и увидали что они ранены, они стали спрашивать Его Высочество, что больно вам, Их Высочество говорили, что мне не больно. Унтер-офицер Василевский был в дозоре недалеко от их Высочества, он подъехал к ним и стал делать перевязку с вольноопределяющимся Бобринским, а взводного Потапова послали за фельдшером, который встретился с эскадронным командующим ротмистром графом Игнатьевым и доложил, что князь Олег Константинович ранен. Когда я подъехал к их Высочеству, была сделана перевязка, через некоторое время приехал корнет Безобразов и ротмистр граф Игнатьев, и князя Олега Константиновича перенесли в ближайший хутор где фельдшер сделал правильную перевязку. Когда приехали их Высочества Гавриил Константинович и Игорь Константинович после чего взяли у хозяина этого хутора лошадь с повозкой, положили на неё их Высочество и повезли»⁷⁷.

Вспоминает Н.Н. Ермолинский, служивший в той же армии, что и князь: «В ночь с 27 на 28 сентября получена была в Штабе армии из 3 армейского корпуса срочная телеграмма такого содержания:

«Раух доносит, что сегодня при лихой атаке на неприятельский разъезд ранен в ногу Князь Олег Константинович. Чагин».

Садясь в автомобиль, я совершенно недоумевал, куда ехать. Телеграмма, составленная, очевидно, наспех, не сообщала никаких подробностей. Куда ранен Князь Олег? в мягкие части навyleт или с раздроблением кости? легко или тяжело? остался он в строю или отвезён в тыл? наконец, где он в настоящую минуту находится? Все эти вопросы остались без ответа. Самым логичным казалось отправиться первоначально в Штаб 3-го корпуса, что я и сделал.

⁷⁷ ГАРФ, ф. 657, оп. 1, д. 123.

После семи часов беспокойного пути удалось, наконец, дотащиться до Вильковишек. Вблизи шёл бой. Вследствие редкого упорства противника Епанчин против обыкновения нервничал, а добрый Чагин старался меня успокоить, уверяя, что рана Князя Олега наверно лёгкая, и тревожиться нечего. Где находился раненый? Этого пока никто не знал. Вдруг Епанчина озарила счастливая мысль, и он посоветовал мне сговориться с полком по искровому телеграфу. Я отправился к станции, расположенной в открытом поле. Дул сильный ветер, и моросил мелкий дождь. Возле самого аппарата был разложен костёр. Мне долго пришлось соединяться с гусарами и ещё дольше ждать ответа. Наконец, писарь расшифровал телеграмму следующего содержания: «Князя Олега повёз дивизионный врач в Пильвишки. Оттуда поездом Вильно-Павловск. Выехал вчера ночью. Корнет граф Игнатъев». Получив такой тревожный ответ, я отправился на автомобиле не в Пильвишки, а прямо в Ковно, надеясь предупредить поезд с раненым и ждать его там. Около шести часов заблестели огоньки железнодорожного пути, и мотор подкатил к вокзалу. Я бросился к начальнику станции и узнал от него, что поезд с раненым прошёл в Вильно ещё утром, но зато приехавший с ним уполномоченный Красного Креста Бутурлин остался и в настоящее время пьёт чай в буфете. Дойти туда было делом минуты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.